

ВЕСТНИК

ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБРАЗОВАНИЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

ISSN 2409-4102
doi 10.47475/2409-4102

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2014 году

2024 № 3 (27)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Важенни, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор
(Южно-Уральский государственный медицинский университет, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. В. Майоров, доктор юридических наук, доцент, член АНРИ
(Челябинский государственный университет, Россия)

А. А. Минасова, кандидат биологических наук
(Южно-Уральский государственный медицинский университет, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Белоусова, доктор психологических наук (кандидат педагогических наук), профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **В. В. Базелюк**, доктор педагогических наук, профессор (Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Россия); **В. Г. Дегтярь**, академик РАН, доктор технических наук, профессор (Государственный ракетный центр им. академика В. П. Макеева, Россия); **О. С. Дейнеса**, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия); **А. И. Долгушина**, доктор медицинских наук (Челябинск, Россия); **А. С. Доможирова**, доктор медицинских наук (Челябинск, Россия); **С. В. Духновский**, доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия); **Е. В. Забелина**, доктор психологических наук, доцент (Челябинский государственный университет, Россия); **Е. Ю. Коржова**, доктор психологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия); **А. А. Максименко**, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент (Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия); **Т. С. Овчинникова**, доктор педагогических наук, доцент (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия); **А. В. Привалов**, доктор медицинских наук, профессор (Челябинск, Россия); **А. Ю. Савочкина**, доктор медицинских наук, председатель редакционной коллегии (Челябинск, Россия); **А. А. Саламатов**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия); **И. А. Трушина**, кандидат педагогических наук, доцент (Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия); **В. А. Туников**, кандидат медицинских наук (Челябинский государственный университет, Россия); **Н. В. Уварина**, доктор педагогических наук, профессор (Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия); **О. Б. Цейликман**, доктор медицинских наук, доцент (Челябинский государственный университет, Россия); **В. Э. Цейликман**, доктор биологических наук, профессор (Южно-Уральский государственный университет, Россия); **Т. В. Челпаченко**, доктор педагогических наук, профессор (Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия); **Н. А. Шаназаров**, доктор медицинских наук, профессор (Больница медицинского центра управления делами президента Республики Казахстан, Казахстан); **Е. А. Шумилова**, доктор педагогических наук, профессор (Кубанский государственный университет, Россия); **Т. И. Шульга**, доктор психологических наук, профессор (Государственный университет просвещения, Москва, Россия); **Ямини Неги**, PhD (School of Liberal Studies, UPES, India); **Айвана Педович**, PhD, Assistant Professor (University of Niš, Serbia).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

А. А. Данилова, ответственный секретарь, кандидат педагогических наук (Челябинский государственный университет, Россия); **Д. В. Деккерт**, кандидат педагогических наук (Челябинский государственный университет, Россия); **Н. В. Держинский**, кандидат медицинских наук (Челябинский государственный университет, Россия); **О. Н. Егоров**, кандидат медицинских наук (Челябинский государственный университет, Россия); **С. А. Курносова**, кандидат педагогических наук, доцент (Челябинский государственный университет, Россия); **Е. В. Шереметьева**, кандидат педагогических наук (Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия); **Н. М. Эрлихман**, кандидат медицинских наук (Челябинский государственный университет, Россия).

Редакция журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций.

Цель журнала — представить российской и зарубежной научной и научно-педагогической общественности, а также докторантам, аспирантам, магистрантам и другим обучающимся учреждений высшего образования новые научные результаты, имеющие значение в различных областях фундаментальной и прикладной науки по педагогике, психологии, биологии и медицине.

Журнал выходит
четыре раза в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57а,
аудитория 213
Тел. +7 (351) 799-71-58

С требованиями
к оформлению статей можно
ознакомиться на сайте журнала
[http://journals.csu.ru/index.php/
vcsu_eh/index](http://journals.csu.ru/index.php/vcsu_eh/index)

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство
ПИ № ФС77-58492

Журнал включен
в Реферативный журнал
и Базы данных ВИНТИ РАН

Корректурa *С. В. Ястребовой*
Верстка *С. В. Ястребовой*

Подписано в печать 04.12.24.
Выход в свет 11.12.24.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 7,7.
Уч.-изд. л. 7,5.
Тираж 100 экз. Заказ 484.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57б

BULLETIN

OF CHELYABINSK
STATE
UNIVERSITY

EDUCATION
AND HEALTHCARE

ISSN 2409-4102
doi 10.47475/2409-4102
ACADEMIC PERIODICAL

Founded in 2014

2024 № 3 (27)

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

EDITOR-IN-CHIEF

A. V. Vazhenin, RAS Academician, Dr. Sci. (Medicine),
Prof. (South Ural State Medical University, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.),
Member of ASEP (Chelyabinsk State University, Russia)
A. A. Minasova, Cand. Sci. (Biology)
(South Ural State Medical University, Russia)

EDITORIAL BOARD

S. A. Belousova, Dr. Sci. (Psychology), Cand. Sci. (Pedagogy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia);
V. V. Bazelyuk, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (South Ural State University (NRU), Russia); *O. S. Deineka*, Dr. Sci. (Psychology), Prof. (St. Petersburg State University, Russia); *V. G. Degtyar*, RAS Academician, Dr. Sci. (Technical), Prof. (Academician V. P. Makeev State Rocket Center, Russia); *A. I. Dolgushina*, Dr. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk, Russia); *A. S. Domozhirova*, Dr. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk, Russia); *A. V. Privalov*, Dr. Sci. (Medicine), Prof. (Chelyabinsk, Russia); *Zabelina*, Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor (Chelyabinsk State University, Russia); *A. Yu. Savochkina*, Dr. Sci. (Medicine), Chair of the Editorial Board (Chelyabinsk, Russia); *V. A. Tupikov*, Cand. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk State University, Russia); *I. A. Trushina*, Cand. Sci. (Pedagogical) (Chelyabinsk State University, Russia); *N. A. Shanazarov*, Dr. Sci. (Medical), Prof. (Hospital of the Medical Center for the Administration of the President of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan); *E. A. Shumilova*, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Kuban State University, Russia); *O. B. Tseilikman*, Dr. Sci. (Medicine), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk State University, Russia); *V. E. Tseilikman*, Dr. Sci. (Biological), Prof. (South Ural State University, Russia); *T. S. Ovchinnikova*, Dr. Sci. (Psychology), Prof. (Assoc.) (A. S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia); *N. V. Uvarina*, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (South-Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia); *T. V. Chelpachenko*, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia); *A. A. Salamatov*, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia); *N. E. Skripova*, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk Institute of retraining and advanced training of education workers, Chelyabinsk, Russia); *T. I. Shulga*, Dr. Sci. (Psychology), Prof. (State University of Education, Moscow, Russia); *E. Y. Korzhova*, Dr. Sci. (Psychology), Prof. (A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia); *A. A. Maksimenko*, Dr. Sci. (Sociological), Cand. Sci. (Psychology), Prof. (Assoc.) (Research University "Higher School of Economics", Russia); *S. V. Dukhonovsky*, Dr. Sci. (Psychology), Prof. (Assoc.) (Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia); *Yamini Negi*, PhD (School of Liberal Studies, UPES, India); *Ivana Pedović*, PhD, Assistant Professor (University of Niš, Serbia)

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTIONS

A. A. Danilova, Executive Secretary, Cand. Sci. (Pedagogical) (Chelyabinsk State University, Russia); *D. V. Dekkert*, Cand. Sci. (Pedagogical) (Chelyabinsk State University, Russia); *N. V. Derzhinskiy*, Cand. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk State University, Russia); *O. N. Egorov*, Cand. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk State University, Russia); *S. A. Kurnosova*, Cand. Sci. (Pedagogical), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk State University, Russia); *E. V. Sheremetieva*, Cand. Sci. (Pedagogical) (South Ural State University of Humanities and Education, Russia); *N. M. Erlichman*, Cand. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk State University, Russia)

The Editorial Board may not share the views of the authors.

Authors are responsible for the article content and quality of annotations' translation.

The purpose of the journal is to present to the Russian and foreign scientific and pedagogical community, as well as to doctoral students, postgraduate students, undergraduates and other students of higher education institutions new scientific results of importance in various fields of fundamental and applied science in pedagogy, psychology, biology and medicine.

The journal is published
four times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirnykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
57a Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia, room 213
Telephone: + 7 (351) 799-71-58

All the requirements
are available on the web-site
http://journals.csu.ru/index.php/vcsu_ch/index

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИИ № ФС77-58492

Abstracting and indexing
in Referativny Zhurnal
and VINITI Database RAS

Proofreader *S. V. Yastrebova*
Imposition by *S. V. Yastrebova*

Passed for printing 04.12.24.
Date of publication 11.12.24.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 7,7.
Ac.-publ. sh. 7,5.
Circulation 100 copies. Order 484.
Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

- Нарзикулова Ф. Б., Мухамедова Д. Г., Рахиммирзаев С. Б.*
Модель профессионально-имиджевого потенциала учителя
начального образования в рамках эмпирического исследования 5
- Карташова А. А., Котлярова И. О.* Состояние готовности педагогов
организаций высшего образования к работе
в электронной информационно-образовательной среде 12
- Бобыкина И. А., Трушина И. А.* К вопросу проектирования программы тренинга
по саморазвитию субъектности педагогов вуза 24
- Шереметьева Е. В., Ясинская Я. В.* Генез артикуляционного праксиса
от рождения до трёх лет 32

ПСИХОЛОГИЯ

- В. В. Спасенников.* Конструктивный патриотизм: дизайн экспресс-опросника
патриотичности личности 39
- Иванова А. А., Забелина Е. В.* Удовлетворённость городской и природной средой
Челябинска: результаты качественно-количественного анализа 48
- Семченко Л. Н.* Правовые и психологические аспекты взаимосвязанных конфликтов
врач — пациент 63

CONTENTS

PEDAGOGY

<i>Narzikulova F. B., Mukhamedova D. G., Rakhimmirzaev S. B.</i> Model of Professional-Image Potential of Primary Education Teachers Within the Framework of Empirical Research	5
<i>Kartashova A. A., Kotlyarova I. O.</i> State of Readiness of Teachers of Higher Education Organizations to Work in the Electronic Information and Education Environment	12
<i>Bobykina I. A., Trushina I. A.</i> On the Issue of Designing a Training Program for the Self-Development of Subjectivity of University Teachers	24
<i>Sheremetyeva E. V., Yasinskaya Ya. V.</i> Genesis of Articulatory Praxis From Birth to Three Years	32

PSYCHOLOGY

<i>Spasennikov V. V.</i> Constructive Patriotism: Design of an Express Questionnaire of Personal Patriotism	39
<i>Ivanova A. A., Zabelina E. V.</i> Satisfaction with the Urban and Natural Environment of Chelyabinsk: Results of Qualitative-Quantitative Analysis	48
<i>Semchenko L. N.</i> Legal and Psychological Aspects of Interrelated Clinician — Patient Conflicts	63

МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ИМИДЖЕВОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАМКАХ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

**Фируза Батыровна Нарзикулова^{1✉}, Дильбар Гафурджановна Мухамедова²,
Санжар Ботурович Рахиммирзаев³**

^{1✉} Самаркандский государственный институт иностранных языков, Узбекистан, Самарканд, firuza-narzikulova@mail.ru, ORCID: 0009-0008-7809-2888

² Национальный университета Узбекистана, Узбекистан, Ташкент, sdilbar@yandex.ru, ORCID: 0009-0005-4451-5895

³ Национальный университет Узбекистана, Узбекистан, Ташкент, sanjar-rah@list.ru, ORCID: 0009-0008-7809-2888

Аннотация. В статье раскрываются особенности моделирования структуры профессионально-имиджевого потенциала учителя начального образования в рамках эмпирического исследования. Метод моделирования представлен как основной в современной психологии, используемый в качестве психологического эксперимента. В статье раскрывается принцип конструктивного моделирования, в котором на основе экспериментально-практической деятельности организовано эмпирическое исследование и представлена модель структуры профессионально-имиджевого потенциала учителя.

Ключевые слова: принцип моделирования, конструктивное моделирование, профессионально-имиджевый потенциал, учитель начального образования, психологический эксперимент, эмпирическое исследование, экспериментально-практическая деятельность, экспертная оценка структурных составляющих профессионально-имиджевого потенциала современного педагога, индивидуально-психологические особенности

Для цитирования: Нарзикулова Ф. Б., Мухамедова Д. Г., Рахиммирзаев С. Б. Модель профессионально-имиджевого потенциала учителя начального образования в рамках эмпирического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2024. № 3 (27). С. 5–11. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-5-11.

Original article

MODEL OF PROFESSIONAL-IMAGE POTENTIAL OF PRIMARY EDUCATION TEACHERS WITHIN THE FRAMEWORK OF EMPIRICAL RESEARCH

Firuza B. Narzikulova^{1✉}, Dilbar G. Mukhamedova², Sanzhar B. Rakhimmirzaev³

^{1✉} Samarkand State Institute of Foreign Languages, Uzbekistan, Samarkand, firuza-narzikulova@mail.ru, ORCID: 0009-0008-7809-2888

² National University of Uzbekistan, Uzbekistan, Tashkent, sdilbar@yandex.ru, ORCID: 0009-0005-4451-5895

³ National University of Uzbekistan, Uzbekistan, Tashkent, sanjar-rah@list.ru, ORCID: 0009-0008-7809-2888

Abstract. The article reveals the features of modeling the structure of the professional image potential of a primary education teacher within the framework of an empirical study. The modeling method is presented as the main one in modern psychology, used as a psychological experiment. The article reveals the principle of constructive modeling, in which an empirical study is organized on the basis of experimental and practical activities and a model of the structure of a teacher's professional image potential is presented.

Keywords: principle of modeling, constructive modeling, professional image potential, primary education teacher, psychological experiment, empirical research, experimental and practical activity, expert assessment of the structural components of the professional image potential of a modern teacher, individual psychological characteristics

For citation: Narzikulova FB, Mukhamedova DG, Rakhimmirzaev SB. Model of professional-image potential of primary education teachers within the framework of empirical research. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2024;(3(27):5-11. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-5-11. (in Russ.).

Введение

Актуальность и востребованность данной статьи обусловлены следующими тенденциями: в современных образовательных учреждениях мира в образовательные процессы внедряются креативные модели совершенствования социально-психологических условий развития профессионального уровня, индивидуально-психологических характеристик, профессионального имиджа педагогов и их потенциала. На основе целей устойчивого развития, разработанных Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 2015 г.¹, ведется систематическая работа по организации качественных образовательных услуг, направленных на развитие начального образования, развитию профессионального имиджа современного учителя начальных классов в условиях активизации конкурентной среды на основе обобщенных подходов, комплексному представлению характерных черт и ценностных ориентаций личности педагога, реализации масштабных проектов по совершенствованию индивидуально-психологических направлений, отвечающих ожиданиям социальной среды.

Проведенный анализ научной литературы по исследуемой проблеме показывает, что психологическое содержание эффективной профессиональной деятельности педагогических кадров являются относительно переменными, которые, как правило, предопределяются не только развитием общества, но и развитием личности самого учителя в процессе ежедневной практической, творческой деятельности. По нашему мнению, эффективная педагогическая деятельность имеет свою характерную специфику отличающаяся преимущественно социально-психологическим контекстом. Эффективная профессиональная деятельность современного учителя начального образования отличается своей сложностью, творческим характером, наличием довольно широко-

го спектра функций и насыщенностью социально-психологического содержания. При этом, арсенал форм и средств, с помощью которых учитель осуществляет профессиональную деятельность достаточно широк и включает учебную, внеклассную работу, работу с коллегами, а также с родителями учеников и пр. Осуществление профессиональной деятельности требует от учителя индивидуально-дифференцированного подхода к обучаемым детям, установления субъект-субъектных взаимоотношений педагог-обучаемый, организации взаимодействия с учениками, учебно-воспитательного процесса в целом, применение передовых образовательных технологий и пр. Таким образом, обобщенная характеристика личности учителя, комплекс его индивидуально-личностных качеств, побуждающих педагога к самореализации именно в соответствующей профессиональной деятельности, является предметом исследований и требует особого подхода. Данные направления раскрываются многочисленными индивидуально-психологическими особенностями характеризующие в той или иной степени профессионально-имиджевый потенциал учителя. Вместе с тем эти индивидуально-психологические особенности нуждаются в эмпирическом уточнении, что позволит определить их актуальность относительно профессионально-имиджевого потенциала современного учителя начального образования.

Материалы и методы исследования

Как показывает практика в психологических исследованиях под моделью, как правило, понимается некая схема, или план действий, направленный на реализацию соответствующей цели. Диапазон характеристик современных моделей довольно широк и может охватывать как структурное содержание того или иного явления, иерархию взаимосвязей содержательных элементов, так и последовательные временные этапы определенного процесса, характеристику ожидаемых результатов, прогнозные показатели, их взаимообусловленность и пр. Нужно отметить, что, моделирование, как метод исследования изучаемых явлений широко применяется в современной психологии, составляя основу психологического эксперимента. В данном аспекте, большинство

¹Technical report by the Bureau of the United Nations Statistical Commission (UNSC) on the process of the development of an indicator framework for the goals and targets of the post-2015 development agenda (Working draft) (англ.). Sustainable Development Knowledge Platform. // http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/wpcontent/uploads/sites/5/2015/08/FAQs_Sustainable_Development_Summit.pdf (дата обращения: 10.09.2024).

учёных придерживаются мнения о том, что моделирование психологического процесса позволяет наглядно представить природу структуры изучаемого, а также заранее прогнозировать различные возможные преобразования и соответственно применение этих факторов в научных исследованиях. [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Именно моделирование, как метод позволяет раскрывать в полной мере структурные особенности изучаемого явления, на этой основе создавать эффективные условия для его развития, целенаправленно подбирать соответствующие техники воздействия и управления. Кроме того, широкое распространение моделирования в психологических исследованиях объясняется многообразием его гносеологических функций, что приводит к изучению соответствующих явлений и процессов на специальном объекте — модели, которая является промежуточным звеном между субъектом-исследователем и предметом исследования, что имеет несколько главных аспектов применения: гносеологический, в котором модель играет роль промежуточного объекта в процессе познания психологического явления; общеметодологический, который позволяет оценивать связи и отношения между характеристиками состояния различных элементов процесса развития явления на разных уровнях описания и изучения; сугубо психологический, который позволяет вести описание различных сторон изучаемого явления и выявлять на этой основе соответствующие закономерности.

Практика показывает, что при подготовке модели структуры профессионально-имиджевого потенциала современного педагога целесообразно учитывать принцип конструктивного моделирования, который предполагает соотнесение получаемых результатов, т. е. современные положения теории с одной стороны и экспериментально-практическая деятельность — с другой. Соответственно, под экспериментально-практической деятельностью понимается специально организованное эмпирическое исследование с целью уточнения актуальности полученных теоретических выводов относительно выборки нашего исследования.

Результаты исследования

Таким образом, придерживаясь вышеизложенного сформулированного подхода к процессу моделирования структуры профессионально-имиджевого потенциала учителя начального образования, нами была организована и проведена экспертная оценка обобщённых индивидуаль-

но-психологических особенностей характеризующих профессионально-имиджевый потенциал. В качестве экспертов приняло участие 135 специалистов, как женского, так и мужского пола (рис. 1–3), имеющих значительный опыт работы в сфере образования. [4; 5]

В целях стандартизации получаемых резуль-

Рис. 1. Характеристика экспертов оценки структурных составляющих профессионально-имиджевого потенциала учителя по полу (n=135)

Figure 1. Characteristics of experts assessing the structural components of a teacher's professional and image potential by gender (n=135)

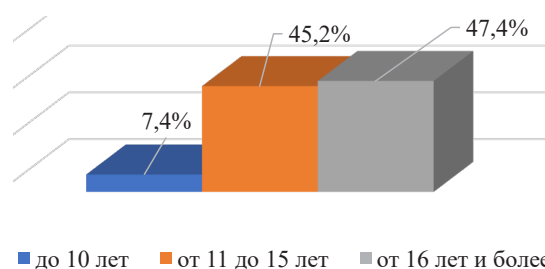

Рис. 2. Характеристика экспертов оценки структурных составляющих профессионально-имиджевого потенциала учителя по стажу профессиональной деятельности (n=135)

Figure 2. Characteristics of experts assessing the structural components of a professional image based on professional experience (n=135)

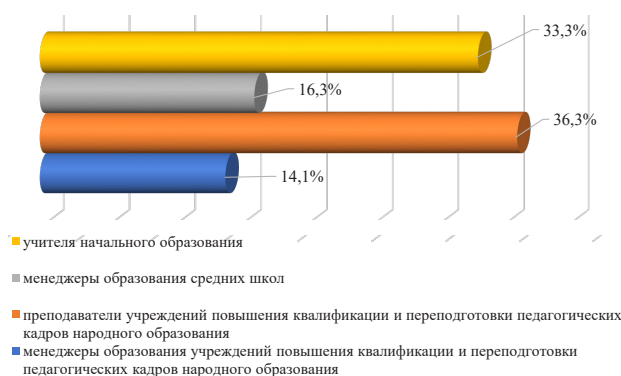

Рис. 3. Характеристика экспертов оценки структурных составляющих профессионально-имиджевого учителя по категориям (n=135)

Figure 3. Characteristics of experts assessing the structural components of a professional image teacher by category (n=135)

татов, упрощения организационных вопросов, экспертная оценка проводилась по заранее подготовленному экспертному опроснику, основу которого составляют 32 выделенных, по результатам теоретического анализа, обобщённых индивидуально-психологических особенностей — структурные составляющие, характеризующих профессионально-имиджевый современный педагога. Для дифференцирования структурных составляющих, в опросник включена пятнадцатилетняя шкала оценки. Кроме того, в целях разъяснения порядка проведения экспертной оценки в опроснике предусмотрена подробная инструкция, охватывающая все необходимые аспекты для плодотворной работы с подготовленным инструментарием.

По итогам проведения экспертной оценки все полученные результаты были обобщены в единой таблице для вычисления базовых статистических данных (среднестатистический балл, медиана

и др.) по каждой оценённой структурной составляющей профессионально-имиджевого потенциала современного педагога. Все проделанные процедуры на основе анализа данных, позволили нам выделить перечень актуальных структурных составляющих профессионально-имиджевого потенциала современного педагога (таб. 1).

В целях облегчения восприятия выделенного перечня актуальных структурных составляющих изучаемого явления осуществлена их классификация по принципу значимости экспертных оценок. Таким образом, нами представлена модель структуры профессионально-имиджевого потенциала современного педагога (рис. 4).

Выводы

Таким образом, проведённый анализ методологических подходов к процессу моделирования, и в свою очередь, проведённая экспертная оценка при специально организованном эмпи-

Таблица 1
Table 1

Актуальные структурные составляющие профессионально-имиджевого потенциала учителя (n=135)

№	Наименования оцениваемых характеристик учителя начального образования	Максимальный оценочный балл	Минимальный оценочный балл	Среднестатистический оценочный балл	Стандартное отклонение	Медиана
1	Умение регулировать своё поведение в коммуникативных ситуациях	15	12	14,09	0,89	14
2	Способность адаптироваться к условиям социальной среды	15	12	13,72	0,92	14
3	Умение самостоятельно преодолевать возникающие жизненные проблемы	15	10	13,1	1,03	13
4	Низкий уровень конфликтности	15	8	12,94	1,27	13
5	Коммуникативные и организаторские способности	15	9	12,78	1,44	13
6	Эмоциональный интеллект	15	8	12,45	1,44	13
7	Способность к саморегуляции эмоциональных состояний, возникающих в коммуникативной ситуации	15	9	12,33	1,43	12
8	Сбалансированная эмоциональность	15	8	12,24	1,95	12
9	Эмпатические способности	15	8	12,22	1,5	12
10	Развитая рефлексивность	15	8	11,94	1,45	12
11	Коммуникативная толерантность	14	9	11,41	1,15	11
12	Стремление к саморазвитию	14	8	11,4	1,18	11
Среднестатистические значения		14,83	9,08	12,19	1,42	12,11

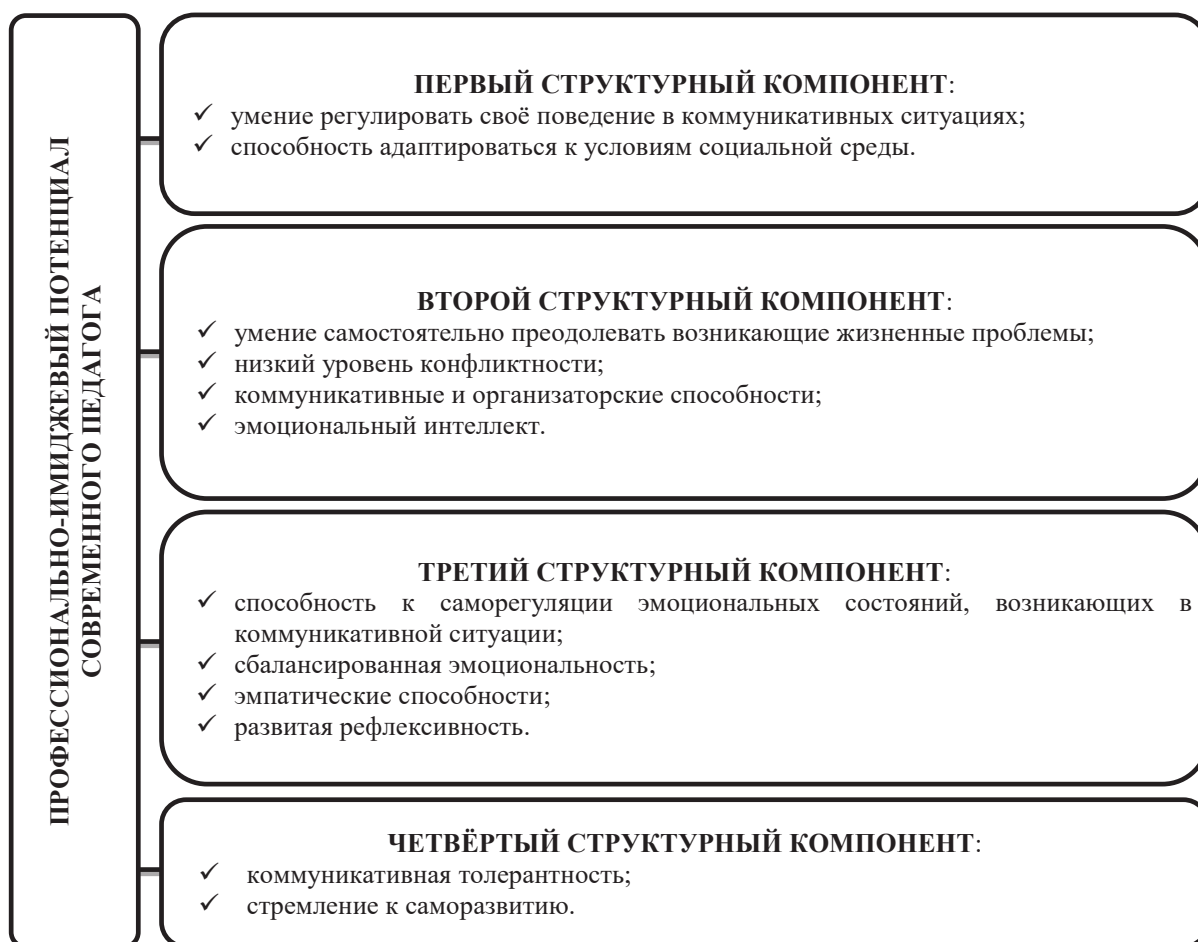

Рис. 4. Модель структуры профессионально-имиджевого потенциала учителя
Figure 4. Model of the structure of a teacher's professional and image potential

рическом исследовании (n=135) теоретически выделенных индивидуально-психологических особенностей, характеризующих в той или иной степени профессионально-имиджевый потенциал современного педагога, позволил нам подготовить и представить структурную модель, состоящую из четырёх компонентов включающие двенадцать актуальных структурных составляющих:

– первый компонент — умение регулировать своё поведение в коммуникативных ситуациях, способность адаптироваться к условиям социальной среды;

– второй компонент — умение самостоятельно преодолевать возникающие жизненные проблемы, низкий уровень конфликтности, коммуникативные и организаторские способности, эмоциональный интеллект;

– третий компонент — способность к саморегуляции эмоциональных состояний, возникающих в коммуникативной ситуации, сбалансированная эмоциональность, эмпатические способности, раз-

витая рефлексивность;

– четвёртый компонент — коммуникативная толерантность, стремление к саморазвитию.

Выделение актуальных структурных составляющих профессионально-имиджевого потенциала современного учителя начального образования, а также их классификация и ранжирование по степени значимости основывались на анализе полученных базовых статистических данных (среднестатистический балл, медиана и др.) результатов экспертной оценки.

Заклучение

Обобщая вышеизложенные результаты, можно заключить следующее: анализ методологических подходов к процессу моделирования показывают, что с учётом цели и задач проведенного нами исследования, под моделью структуры профессионально-имиджевого потенциала современного учителя начального образования предлагается целесообразным понимать — целостное множество взаимообусловленных структурных

элементов, где каждый из них рассматривается с учётом степени влияния на изучаемое явление в целом. По своей сущности исследуемая модель представляет собой иерархически упорядоченную систему взаимосвязанных, взаимообусловленных и условно выделяемых содержательных элементов, которые в совокупности отражают природу целостного понимания имиджевого аспекта современного учителя начального образования. Такой подход, даёт возможность обоснованно подойти к процессу построения соответствующей модели, конкретизировать этапы её разработки, а также наметить оптимальные пути эффективного развития профессионально-имиджевого потенциала современного учителя начального образования.

Список источников

1. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. СПб: Издательство «Питер», 2000. 320 с.
2. Жавнерко А. П. Моделирование в психологическом исследовании индивидуально-психологических особенностей // Психология и педагогика. 2010. № 7. С. 75–82.
3. Нарзикулова Ф. Б. Определение природы имиджа в философии древних мыслителей как элемент культуры в контексте историко-теоретического анализа // Язык и текст. 2020. Т. 7. № 3. С. 64–69. DOI: <https://doi.org/10.17759/langt.2020070306>
4. Нарзикулова Ф. Б. Сущность профессионального имиджа и его структурных компонентов // Вестник интегративной психологии. РОССИЯ. 2019. № 18. С. 150–153.
5. Нарзикулова Ф. Б. Психологическое содержание эффективной профессиональной деятельности педагога в контексте моделирования имиджевого потенциала // Journal of Chemical Health Risks. 2023. Т. 13 № 4. С. 1745–1752. DOI: <https://doi.org/10.52783/jchr.v13.i4.1250>
6. Рахиммирзаев С. Б. Методический комплекс психодиагностики интеллектуальной мобильности будущих специалистов. // Journal of Chemical Health Risks. 2023. Т. 13. № 4. С. 1740–1744. DOI: <https://doi.org/10.52783/jchr.v13.i4.1249>.

References

1. Druzhinin VN. Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental Psychology]. St. Petersburg: Publishing House «Piter», 2000. (In Russ.).
2. Zhavnerko AP. Modeling in psychological research of individual psychological characteristics. *Psikhologiya i pedagogika* [Psychology and pedagogy]. 2010;(7):75-82. (In Russ.).
3. Narzikulova FB. Definition of the nature of image in the philosophy of ancient thinkers as an element of culture in the context of historical and theoretical analysis. *Yazyk i tekst* [Languages and text]. 2020;7(3):64-69. DOI: 10.17759/langt.2020070306 (In Russ.).
4. Narzikulova FB. The essence of professional image and its structural components. *Vestnik integrativnoy psikhologii. Rossiya* [Bulletin of Integrative Psychology. Russia]. 2019;(18):150-153.(In Russ.).
5. Narzikulova FB. Psychological content of effective professional activity of a teacher in the context of modeling image potential. *Journal of Chemical Health Risks*. 2023;13(4):1745-1752. DOI: <https://doi.org/10.52783/jchr.v13.i4.1250> (In Russ.).
6. Rakhimmirzaev SB. Methodological complex of psychodiagnostics of intellectual mobility of future specialists. *Journal of Chemical Health Risks*. 2023;13(4):1740-1744. DOI: <https://doi.org/10.52783/jchr.v13.i4.1249>. (In Russ.).

Информация об авторах

Ф. Б. Нарзикулова — доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики, психологии и физической культуры.

Д. Г. Мухамедова — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии.

С. Б. Рахиммирзаев — доктор философии по психологическим наукам, доцент кафедры психологии.

Information about the authors

F. B. Narzikulova — Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Physical Culture.

D. G. Mukhamedova — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology.

S. B. Rakhimmirzaev — Doctor of Philosophy in Psychological Sciences (PhD), Associate Professor of the Department of Psychology.

Статья поступила в редакцию 11.10.2024; принята к публикации 10.11.2024.

The article was submitted 11.10.2024; accepted for publication 10.11.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК378

DOI: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-12-23

СОСТОЯНИЕ ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГОВ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ К РАБОТЕ В ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Ангелина Александровна Карташова¹, Ирина Олеговна Котлярова²

¹ Челябинский государственный университет, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, i@kaa8.ru, ORCID: 0000-0001-6484-8957

² Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, kotliarovaio@susu.ru, ORCID: 0000-0003-1109-6995

Аннотация. Целью статьи является выявление состояния готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде. Актуальность вопроса подтверждается наличием социального заказа и недостаточностью выявленного уровня готовности педагогов к выполнению сформулированных в нем требований. Определены критерии, характеризующие состояние готовности, подобраны адекватные им и задачам исследования методы анкетирования и тестирования: методики «Оценка готовности педагога к развитию» В. И. Зверевой, Н. В. Немовой; «Наличие общих представлений педагога в сфере ИКТ» М. С. Плетневой; «Реализация профессиональных задач педагога» М. С. Плетневой; «ИКТ-активность педагога» М. С. Плетневой; «Мотивационный тест» Ф. Герцберга. По результатам диагностического исследования сделан вывод о низком уровне развития компонентов готовности к работе в электронной информационно-образовательной среде и общего ее состояния у педагогов организаций высшего образования.

Ключевые слова: готовность, педагоги, организации высшего образования, электронная информационно-образовательная среда

Для цитирования: Карташова А. А., Котлярова И. О. Состояние готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2024. № 3 (27). С. 12–23. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-12-23.

Original article

STATE OF READINESS OF TEACHERS OF HIGHER EDUCATION ORGANIZATIONS TO WORK IN THE ELECTRONIC INFORMATION AND EDUCATION ENVIRONMENT

Angelina A. Kartashova¹, Irina O. Kotlyarova²

¹ South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, i@kaa8.ru, ORCID: 0000-0001-6484-8957

² South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, kotliarovaio@susu.ru, ORCID: 0000-0003-1109-6995,

Abstract. The purpose of the article is to identify the state of readiness of teachers of higher education organizations to work in the electronic information and educational environment. The relevance of the issue is confirmed by the presence of social order and insufficiency of the revealed level of teachers' readiness to fulfill the requirements formulated in it. The criteria characterizing the state of readiness have been defined, and the methods of questioning and testing adequate to them and to the research objectives have been selected: methods «Assessment of teacher's readiness for development» by V. I. Zvereva and N. V. Nemova; «Presence of general ideas of a teacher in the ICT sphere» by M.S. Pletneva and N. V. Nemova M.S. Pletneva; «Realization of professional tasks of a teacher» by M.S. Pletneva; «ICT-activity of a teacher» by M.S. Pletneva; «Motivational test» by F. Herzberg. According to the results of the diagnostic study the conclusion is made about the low level of development

of components of readiness to work in electronic information and educational environment and its general state in teachers of higher education organizations.

Keywords: readiness, teachers, higher education organizations, electronic information and educational environment

For citation: Kartashova AA, Kotlyarova IO. State of readiness of teachers of higher education organizations to work in the electronic information and education environment. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2024. № 3 (27). С. 12–23. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-12-23. (in Russ.).

Введение

Внедрение и развитие электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в организациях высшего образования, необходимость повышения качества образования и обеспечения доступности образовательных услуг для студентов, развитие информационных и коммуникационных технологий, требующих от педагогов совершенствования новых компетенций и навыков, а также необходимость адаптации профессорско-преподавательского состава к быстро меняющимся условиям образовательной среды и вызовам рынка труда — обуславливают актуальность изучения состояния готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде.

Данные положения зафиксированы в мировых и отечественных нормативно-правовых актах:

- о необходимости непрерывного развития, в том числе обучения применению цифровых технологий — в Меморандуме непрерывного образования Европейского Союза¹;

- требованиях к реализации образовательных программ с применением дистанционных образовательных технологий в Федеральном законе от 29.12.2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации»²;

- «Порядке организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» от 02.03.2023 г. № 244 об особенностях разработки и реализации образовательных программ во всех формах обучения³;

¹ Меморандум непрерывного образования Европейского Союза, <https://www.znanie.org/docs/memorandum.html>

² Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

³ Об утверждении порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=446245>

- «Методических рекомендациях по использованию электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации дополнительных профессиональных образовательных программ» от 10.04.2014 г. № 06-381 в части реализации кадрового потенциала «уровень компетентности педагогических работников организации... в вопросах использования новых информационно-коммуникационных технологий при организации обучения также играет одну из важных ролей»⁴, а также при сетевой форме реализации образовательного процесса⁵.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования актуализирует необходимость фиксации хода образовательного процесса, результатов промежуточной аттестации и результатов освоения программы, осуществляемую педагогом⁶.

Изменение оснащения образовательных организаций позволяет внедрять новые решения организационно-педагогических задач на основе цифровых технологий. «Вовлечение педагогических работников в цифровое образовательное пространство повышает результативность образовательного процесса, приводит к комфорту в сотрудничестве и взаимодействии всех субъектов образования» [4].

⁴ Методические рекомендации по использованию электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации дополнительных профессиональных образовательных программ, <https://base.garant.ru/70706932/89300effb84a59912210b23abel0a68f/>

⁵ Методические рекомендации по реализации дополнительных профессиональных программ с использованием дистанционных образовательных технологий, электронного обучения и в сетевой форме https://base.garant.ru/71003036/#block_32

⁶ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта Высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 44.03.02 психолого-педагогическое образование, <https://fgos.ru/fgos/fgos-44-03-02-psihologo-pedagogicheskoe-obrazovanie-122/>

Вопросом обоснования изменений процесса обучения в информационном обществе и определением существенных черт информационного общества занимались Р. Ф. Абдеев, А. Тоффлер [1], [20].

Особенности применения цифровых образовательных ресурсов, создания виртуальных сред, используемых с целью реализации принципа вариативности в работе педагога, отражены в исследовании С. Г. Григорьева, И. А. Лазаревой, А. Ю. Уварова. Ими обосновываются детерминанты создания эффективных электронных систем обучения в зависимости от педагогических и методических предпочтений преподавателя, а также уровня подготовленности учеников, их возраста, профиля и особенностей материальной базы образовательной организации [18].

Анализируя методы проектирования учебного процесса в информационно-образовательной среде Л. Л. Босова, Ю. Г. Коротенков, Ю. А. Прозорова отмечают, что созданные цифровые инструменты быстро теряют свою актуальность и заменяются новыми [5].

По данным мониторинга экономики образования, опубликованном в аналитическом докладе НИУ «Высшая школа экономики» в 2023 г. определено, что 40 % педагогов профиля гуманитарные науки не владеют навыками работы в профильных программах: «наиболее востребованным оказалось развитие продвинутых навыков работы с определенными цифровыми технологиями в специализированных областях. Самым распространенным было повышение квалификации в сфере организации дистанционного обучения: работа в ЭИОС и различных системах управления обучением, использование ПО, освоение методик проведения удаленных занятий и экзаменов» [11]. Исследование отношения представителей вузов к процессу цифровизации в исследовании Н. Б. Шугаль, Н. А. Шматко, Н. В. Бондаренко выявило неоднозначные результаты: «в вузовских кругах преобладает мнение, что в ходе цифровизации появляются новые возможности организации образовательного и научного процессов: 82 % ППС согласны или скорее согласны с этим суждением.

Однако, когда речь идет об образовательной деятельности, в частности и отдельных ее аспектах, позитивное отношение к новым технологиям сменяется более осторожными оценками. Боль-

шинство (87 %) преподавателей считают, что внедрение ИКТ создает для них лишнюю нагрузку и требует дополнительных усилий, в этом с ними согласны 86 % ректоров» [23].

В нашем исследовании мы предполагаем, что определяющий фактор, снижающий потребность педагогов организаций высшего образования в применении цифровых сервисов — это недостаточное развитие готовности к работе в электронной информационно-образовательной среде.

Целью статьи является выявление состояния готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде.

Задачи исследования:

1) определить компоненты явления «готовность педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде».

2) выявить критерии готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде;

3) исследовать состояние готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде по выявленным критериям с использованием адекватных методов исследования.

Материалы и методы

Для решения задачи определения компонентов готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде осуществлен анализ определений, признаков, состава готовности. В качестве материалов исследования были использованы публикации научных журналов, опубликованных в системах Elibrary.ru и CyberLeninka.

В соответствии с выявленными компонентами определены критерии оценивания компонентов готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде. Для уточнения состава критериев использован метод сравнения компонентов и критериев.

Оценка компонентов готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде осуществлялась с помощью методик, перечисленных в табл. 1.

Критериально-диагностический аппарат для определения готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде

Компоненты готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде	Критерии оценивания компонентов готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде	Адекватные методы оценивания компонентов готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде
Компонент 1 — ценностно-мотивационный	Оценка: 1. Собственной инерции. 2. Степени разочарования из-за имевшихся ранее неудач. 3. Восприятия отсутствия поддержки и помощи со стороны руководителей. 4. Враждебности окружающих (зависть, ревность и т. п.). 5. Наличия неадекватной обратной связи с членами коллектива и руководством. 6. Состояния здоровья. 7. Недостатка времени. 8. Восприятия ограниченности ресурсов, стесненных жизненных обстоятельств. 9. Возможности получения признания в коллективе. 10. Наличия гигиенических и мотивационных условий работы, определяющих уровень комфорта сотрудника при реализации профессиональных задач.	Методика В. И. Зверевой, Н. В. Немовой «Оценка уровня готовности педагога к развитию» в электронной информационно-образовательной среде образовательной организации; «Мотивационный тест» Ф. Герцберга
Компонент 2 — когнитивный	1. Наличие общих представлений о сфере ИКТ. 2. Владение интерфейсом операционной системы. 3. Наличие общих представлений о сфере мультимедиа. 4. Владение навыками пользователя офисных технологий. 5. Владение техникой подготовки графических иллюстраций на основе растровой графики. 6. Владение базовыми интернет-сервисами и технологиями. 7. Владение основными технологиями построения веб-сайтов.	Опросник Плетневой М. С. «Наличие общих представлений педагога в сфере ИКТ»
Компонент 3 — ориентировочный	Частотность обращения к ИКТ при: 1. Подготовке планирования занятий. 2. Разработке уроков. 3. Подборе программного обеспечения для реализации образовательных задач. 4. Поиске учебных материалов. 5. Мониторинге образовательных результатов студентов. 6. Взаимодействии с коллегами. 7. Разработке авторских электронных образовательных ресурсов. 8. Участии в конференциях участником, модератором секции.	Опросник Плетневой М.С. «Реализация профессиональных задач педагога»
Компонент 4 — технологический	Применение ИКТ при: 1. Реализации проектов. 2. Проведении занятий. 3. Разработке онлайн-курсов. 4. Публикации материалов на различных платформах. 5. Создании веб-страниц в осуществлении воспитательной работы. 6. Ведении электронных отчетов успеваемости студентов.	Анкета Плетневой М.С. «ИКТ-активность педагога»

Методика «Оценка готовности педагога к развитию» В. И. Зверевой, Н. В. Немовой [7] модифицирована нами уточнением аспекта «...в электронной информационно-образовательной среде» и направлена на выявление способности педагога к саморазвитию с использованием возможностей электронной информационно-образовательной среды. Цель использования данного диагностического инструмента – уточнить наличие и определить факторы, которые стимулируют или препятствуют применению цифровых ресурсов учителями образовательной организации. У испытуемых, набравших от 15 до 35 баллов, диагностируется стадия остановившегося развития. В случае определения промежуточных значений — от 36 до 54 баллов — отмечается отсутствие сложившейся системы саморазвития и преобладание сильной зависимости от внешних условий. Педагоги, имеющие по результатам диагностики значения более 55 баллов, активно реализуют потребности в саморазвитии в электронной информационно-образовательной среде.

«Мотивационный тест» Ф. Герцберга [3] определяет ведущие факторы мотивации при осуществлении профессиональной деятельности. При этом гигиенические факторы – минимальный комплекс удобств – не сказываются на мотивации испытуемых. Отсутствие этого вида факторов (оплаты труда, условий на рабочем месте, статусность сотрудника или организации, безопасность среды) вызывает стойкий эмоциональный дискомфорт и желание сменить место работы. Отсутствие мотивационных факторов (премии за хороший результат, возможность карьерного роста, предоставление самостоятельности в рамках должности, обучение и другие) не вызывает неудовлетворения и не повышает работоспособность, но поможет сотрудникам работать продуктивнее. Обе группы факторов важны для создания благоприятной обстановки в коллективе.

«Наличие общих представлений педагога в сфере ИКТ» М.С. Плетневой [15] описывает обращенность педагогов к базовым ИКТ-средствам в образовательном процессе. Рассматриваемые компоненты содержания: наличие общих представлений о сфере ИКТ; владение интерфейсом операционной системы; наличие общих представлений в сфере мультимедиа; владение навыками пользователя офисных технологий; владение техникой подготовки графических иллюстраций на основе растровой и векторной графики; владение базовыми

Интернет-сервисами и технологиями; владение основами технологии построения web-сайтов — детализируются в диагностируемых показателях по критериям частотности использования. В случае достижения испытуемым уровня до 30 % — присваивается минимальная степень развития компетентности, от 30% до 60% — допустимый, от 60% до 85% — диагностируется исследовательский уровень.

Анкета «Реализация профессиональных задач педагога» М. С. Плетневой [16] уточняет востребованность педагогами применения возможностей электронной информационно-образовательной среды в зависимости от масштаба и контекста выполняемой деятельности. Минимальное знание о персональном компьютере, программных продуктах, компьютерных сетях оценивается в промежутке от 0 до 48 баллов; допустимый уровень — от 49 до 97 баллов, отражающий способность использовать знакомые средства информационных и коммуникационных технологий при организации учебного процесса. Конструктивный уровень — от 98 до 137 баллов, это средний, оптимально необходимый уровень ИКТ-компетентности педагога, позволяющий ему осознанно, целенаправленно и дифференцированно использовать средства информационных и коммуникационных технологий в образовательном процессе; исследовательский уровень (высший) — от 138 до 162 баллов определяет у педагога стратегическое видение процесса информатизации, обновления инструментария информационных и коммуникационных технологий.

В анкете «ИКТ-активность педагога» М. С. Плетневой [14] уточняется регулярность обращений учителя к информационно-коммуникационным технологиям: от применения цифровых диагностических средств оценки качества образования до организации образовательных событий с применением электронных ресурсов. При набранных 10 баллах определяется низкий уровень активности педагога, от 11 до 23 баллов — средний, от 24 до 33 — высокий уровень ИКТ-активности педагога.

Результаты

Феномен готовности рассматривается в психолого-педагогической литературе как основание для осознанного отношения к деятельности, как условие ее успешного выполнения [12], [24].

Дидактическая категория «готовность педагога к профессиональному развитию» понимается

в педагогике как характеристика, интегрирующая «мотивационно-ценностное отношение педагога к профессиональному росту, рефлексивно-оценочные способности, эмоционально-волевые качества, когнитивные возможности и операциональные умения, необходимые для профессионального роста») [8].

В понятие «личностная готовность педагогов», по мнению Д. А. Суханова, включаются свойства и характеристики, определяющие состояние личности, осознающей себя способной к целеполаганию и достижению цели в сфере профессионального развития [19].

В трудах ряда ученых готовность педагога к педагогической деятельности трактуется «как необходимая предпосылка, регулятор деятельности и условие его успешного выполнения; как многоплановая, многоуровневая система отражения содержания образования в различных формах, методах и средствах» [25].

На основе анализа литературы, нами дано определение готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде: совокупность индивидуально-личностных характеристик педагога, обеспечивающих реализацию образовательных программ средствами обучения, разработанными и воспроизводимыми на основе информационно-коммуникационных технологий.

Необходимо отметить, что вычленение отдельных компонентов готовности носит условный характер, так как все они взаимосвязаны и взаимообусловлены и образуют целостную динамическую систему.

Содержание готовности может включать в себя [22]:

– знания и умения по основам педагогической, в том числе деятельности в сфере электронной информационно-образовательной среды, которые определены в государственном образовательном стандарте высшего образования;

– усвоение полученных знаний, а также освоение различных аспектов данной деятельности: умение выделить ее основные этапы, прогнозирование возможных затруднений при организации деятельности в электронной информационно-образовательной среде, выявление психологических барьеров, препятствующих реализации данной деятельности;

– присвоение деятельности посредством апробирования различных ее элементов в реальных

условиях: на практических занятиях, а также в ходе прохождения педагогической практики в образовательном учреждении.

М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбович рассматривают психологический компонент готовности к деятельности как профессионально важное и сложное личностное образование, которое включает в себя такие компоненты, как: положительное отношение к профессии, достаточно устойчивые мотивы деятельности; черты характера, способности, проявления темперамента, адекватные требованиям профессиональной деятельности; необходимые знания, умения и навыки; устойчивые профессионально важные особенности психических процессов [9].

По исследованиям Д. В. Малий, к мотивационно-ориентационному компоненту готовности можно отнести устойчивый интерес к работе в электронной информационно-образовательной среде как одному из ведущих компонентов профессиональной деятельности; когнитивный компонент включает системные знания о принципах, методах и способах реализации деятельности в электронной информационно-образовательной среде [9].

Умение осуществлять проектную деятельность в электронной информационно-образовательной среде, при этом организуя взаимодействие обучающихся, относят к деятельностному компоненту готовности [13].

Самоанализ, проведение самооценки профессиональной деятельности — являются элементами деятельностного компонента готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде [26].

Готовность к деятельности в электронной информационно-образовательной среде рассматривается коллективом авторов не только как внутренне принятие установки на данную деятельность (мотивационный компонент), но и креативный, технологический и рефлексивный компоненты данной деятельности [10].

М. Г. Магомедова определяет пять компонентов готовности педагогов, среди которых: мотивационный, творческий, личностно-деятельностный, операциональный и практический [17].

Р. М. Шамионов в составе структуры выделяет два важных компонента: ядро и периферия. Ядро характеризуется набором общих характеристик готовности, являющиеся стабильными в независимости от ситуации. Вместе с тем периферия

выступает изменчивой частью, подстраивающейся под конкретные условия и требования [21].

В работах В. В. Малиатаки определила и конкретизировала компоненты готовности педагогов: ценностно-целевой, содержательно-методический, коммуникационно-психологический и организационно-административный [2].

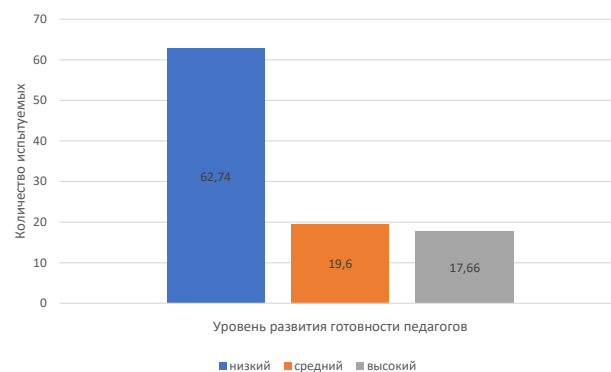
В нашем исследовании к компонентам готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде относим ценностно-мотивационный, когнитивный, ориентировочный и технологический. Данные компоненты выбраны как основные составляющие готовности педагогов к работе в электронной информационно-образовательной среде. Ценностно-мотивационный компонент включает в себя предпочтения и побуждения педагога, связанные с использованием информационных технологий в образовании. Когнитивный компонент отражает знания и умения в области информационных технологий. Ориентировочный – отвечает за навыки и умения использования информационных технологий в педагогической деятельности. Технологический компонент связан с владением различными программными и техническими средствами для организации образовательного процесса с использованием электронных ресурсов.

В диагностике приняли участие 51 педагог Челябинского государственного университета. Испытуемые отобраны с помощью рандомайзера¹, что может подтвердить репрезентативность выборки.

Для определения интегрального показателя уровня готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде, мы опирались на принцип нормального распределения. Согласно этому принципу, большинство показателей будут иметь значения, близкие к среднему значению, а меньшая часть — высокие или низкие значения. Таким образом, 25 % показателей каждой шкалы будет иметь низкий уровень развития свойства, 50 % — средний, и ещё 25 % — высокий.

В соответствии с приведенными результатами 32 педагога (62,74 %) имеют низкий уровень развития по каждому компоненту готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной

среде, практически в равных долях средний — 10 человек (19,6 %), и высокий уровень — 9 человек (17,66 %), изучаемого свойства (рис. 1).

Рис. 1. Результаты диагностики готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде

Figure 1. Results of diagnosing the readiness of teachers of higher education organizations to work in the electronic information and educational environment

В табл. 2 описаны уровни и показатели готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде.

Обсуждение результатов

В результате анализа научной литературы определено понятие «готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде»: совокупность индивидуально-личностных характеристик педагога, обеспечивающих реализацию образовательных программ средствами обучения, разработанными и воспроизводимыми на основе информационно-коммуникационных технологий. К компонентам, составляющим данное явление, в рамках исследования относятся — ценностно-мотивационный, когнитивный, ориентировочный, технологический.

Ценностно-мотивационный компонент диагностируется по следующим критериям: наличие инерции педагога, степени разочарования из-за имевшихся ранее неудач, восприятию отсутствия поддержки и помощи со стороны руководителей и враждебности окружающих, наличие неадекватной обратной связи от членов коллектива, состоянию здоровья, наличие или недостатком времени, восприятию ограниченности ресурсов, характеру жизненных обстоятельств,

¹RandStuff <https://randstuff.ru/number/>.

**Уровни и показатели готовности педагогов организаций высшего образования к работе
в электронной информационно-образовательной среде**

Готовность педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде	Уровни	Показатели
Ценностно-мотивационный	Высокий	Педагог проявляет высокую степень мотивации и энтузиазма в использовании ИКТ для обучения и развития обучающихся. Он стремится к постоянному саморазвитию и готов преодолевать препятствия ради достижения образовательных целей.
	Средний	Педагог проявляет достаточную мотивацию и интерес к использованию ИКТ в обучении, но иногда может испытывать затруднения в преодолении препятствий и адаптации к новым технологиям.
	Низкий	Педагог слабо мотивирован и не видит значимости в использовании электронной информационно-образовательной среды. Он может проявлять равнодушие или эпизодический интерес к изучению возможностей этой среды.
Когнитивный	Высокий	Педагог обладает глубокими знаниями и пониманием принципов работы ИКТ, а также актуальных тенденций в области информационных технологий. Он способен быстро адаптироваться к новым цифровым сервисам и применить их в своей педагогической практике.
	Средний	Педагог обладает базовыми знаниями об ИКТ и их применении в образовании, однако ему может потребоваться дополнительное обучение для глубокого понимания принципов работы и актуальных тенденций в этой области.
	Низкий	Педагог обладает поверхностными знаниями, ему трудно приобретать навыки, связанные с электронной информационно-образовательной средой.
Ориентировочный	Высокий	Педагог активно использует ИКТ в своей работе, регулярно обращается к ним для планирования занятий, подбора программного обеспечения, поиска учебных материалов и мониторинга образовательных результатов обучающихся. Он стремится к сотрудничеству с коллегами и обмену опытом в области применения ИКТ в образовании.
	Средний	Педагог использует ИКТ в своей работе, но не всегда регулярно и эффективно. Он может обращаться к ИКТ для планирования занятий, подбора программного обеспечения и поиска учебных материалов, но иногда испытывает трудности с мониторингом образовательных результатов учащихся и сотрудничеством с коллегами.
	Низкий	Педагог плохо ориентируется в электронной информационно-образовательной среде и не умеет проектировать свою деятельность в ней. Он испытывает трудности в определении последовательности шагов и методов для достижения поставленных целей.
Технологический	Высокий	Педагог успешно применяет различные технологии и инструменты ИКТ для реализации своих педагогических проектов, проведения занятий, разработки онлайн-курсов, публикации материалов и осуществления воспитательной работы. Он постоянно совершенствует свои навыки и стремится к инновациям в образовательном процессе.
	Средний	Педагог применяет некоторые технологии и инструменты ИКТ для реализации своих педагогических проектов, проведения занятий и разработки онлайн-курсов, но может испытывать затруднения с публикацией материалов и осуществлением воспитательной работы. Педагог стремится к постоянному совершенствованию своих навыков, но иногда нуждается в дополнительной поддержке и ресурсах
	Низкий	педагог слабо владеет техническими навыками и не умеет использовать электронные ресурсы и образовательные платформы для решения педагогических задач. Он редко работает с дополнительной информацией и предпочитает традиционные методы обучения

возможностью получения признания в коллективе и наличием гигиенических и мотивационных условий работы, определяющих уровень комфорта сотрудника при реализации профессиональных задач.

Критерии когнитивного компонента выражены в: наличии общих представлений о сфере ИКТ, владении интерфейсом операционной системы, наличии общих представлений о сфере мультимедиа, владении навыками пользователя офисных технологий, владении техникой подготовки графических иллюстраций на основе растровой графики, владении базовыми интернет-сервисами и технологиями.

Ориентировочный компонент, согласно выявленным критериям, представляет частотность обращения к ИКТ-технологиям при подготовке планирования занятий, разработке занятий, подборе программного обеспечения для реализации образовательных задач, поиске учебных материалов, мониторинге образовательных результатов студентов, взаимодействии с коллегами, разработке авторских электронных образовательных ресурсов, участии в конференциях.

Технологический компонент — обуславливает применение ИКТ при: реализации проектов, проведении занятий, разработке онлайн-курсов, публикации материалов на различных платформах, создании веб-страниц, осуществлении воспитательной работы, ведении электронных отчётов успеваемости студентов.

По результатам диагностического исследования выявлено, что 32 педагога (62,74 %) имеют низкий уровень развития по каждому компоненту готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде, практически в равных долях средний — 10 человек (19,6 %), и высокий уровень — 9 человек (17,66 %), изучаемого свойства.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости стимулирования развития готовности педагогов организаций высшего образования к работе в электронной информационно-образовательной среде через разработку и внедрение современных цифровых образовательных ресурсов, а также системное научно-методическое обеспечение педагогической деятельности.

Список источников

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М. : ВЛАДОС, 1994. 336 с.
2. Алексеева И. С. Онлайн-курс как форма онлайн-обучения в вузе // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 12. С. 244–247. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.37>.
3. Герцберг Ф. Мотивационный тест. Режим доступа: <https://medinfovn.ru/docs/menedzer/Тесты/9%20Тест%20Герцберга.pdf>. (дата обращения 05.10.2024).
4. Готина Е. Б. Системы мотивации: подход к преподавателям вузов // Современные тенденции в образовании и науке : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 14 частях. 2014. С. 38–39.
5. Гриншкун В. В., Роберт И. В., Босова Л. Л. [и др.] Информатизация образования: толковый словарь понятийного аппарата. Москва : Издательство АЭО. 2023. Режим доступа: <https://istina.msu.ru/publications/book/611169431/> (дата обращения 05.10.2024).
6. Джабатырова Б. К., Хатит Ф. Р., Шаш Н. М. Модель формирования готовности будущих педагогов к проектированию психологически безопасной среды // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. № 2. С. 77–85. DOI: <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-2-77-85>.
7. Зверева В. И., Немова Н. В. Оценка готовности педагога к развитию: диагностические материалы. Режим доступа: <https://school19-novoross.ru/doc/ОШколе/ИнновационнаяДеятельность/Результативность/Диагностика-педагога-Диагностич.pdf>. (дата обращения 05.10.2024).
8. Иванов А. М. Формирование готовности учителя к профессиональному росту в условиях информатизации образования (в системе повышения квалификации работников образования): автореф. дис. ... канд. пед. наук. 13.00.01. Москва. 2007. 25 с.
9. Кандыбович Л. А. Психология высшей школы в Союзном государстве. Минск: Харвест. 2020. 672 с.

10. Кропотова М. Ю. Подготовка и готовность будущих педагогов к инновационной деятельности // Инновационные проекты и программы в психологии, педагогике и образовании: сборник статей Международной научно-практической конференции (Уфа, 4 июня 2024). Уфа: Аэтерна. 2024. С. 99–101.
11. Кузьминов Я. И., Гохберг Л. М., Шугаль Н. Б. Цифровая среда в образовательных организациях различных уровней : аналитический доклад. Москва: НИУ ВШЭ. 2023. 164 с.
12. Кульневич Т. В. Готовность будущего учителя к выполнению профессионально-педагогического долга // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2021. Т. 7. № 2. С. 3–17 DOI: <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2021-7-2-0-1>.
13. Манченко Т. В., Гучетль И. Н. Современные технологии в развитии профессиональной компетентности преподавателей высшего образования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. № 1. С. 48–56. DOI: <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-1-48-56>.
14. Плетнева М. С. ИКТ-активность педагога // Образовательная социальная сеть. 2013. Режим доступа: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/materialy-mo/2013/04/21/kriterii-otsenki-ikt-kompetentsii-uchitelya-nachalnoy> (дата обращения 05.10.2024).
15. Плетнева М. С. Критерии оценки ИКТ-компетенции // Образовательная социальная сеть. 2013. Режим доступа: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/materialy-mo/2013/04/21/kriterii-otsenki-ikt-kompetentsii-uchitelya-nachalnoy> (дата обращения 05.10.2024).
16. Плетнева М. С. Реализация профессиональных задач педагога // Образовательная социальная сеть. 2013. Режим доступа: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/materialy-mo/2013/04/21/kriterii-otsenki-ikt-kompetentsii-uchitelya-nachalnoy> (дата обращения 05.10.2024).
17. Савва Л. И., Ключкина А. А. Формирование готовности будущих педагогов к предотвращению кибербуллинга среди обучающихся как педагогическая проблема // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84–1. С. 275–278.
18. Семёнов А. Л. Качество информатизации школьного образования // Вопросы образования: научно-образовательный журнал. 2015. № 3. С. 248–270.
19. Суханов Д. А. Педагогические условия преодоления затруднений педагогов при повышении квалификации в электронной информационно-образовательной среде: диссер. канд. пед. наук. 5.8.7. Санкт-Петербург. 2023. 168 с.
20. Тоффлер Э. Третья цивилизационная волна // Университет социологии SOCIO. 2024. Режим доступа: <http://www.sociocity.ru/scitys-274-1.html> (дата обращения 05.10.2024).
21. Шамионов Р. М. Роль установок на авторитаризм и социальное доверие в проявлениях гражданской и онлайн-активности // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16. № 2. С. 101–120.
22. Шилов К. В., Бербенец О. А., Кондратюк И. В., Лысенко О. А. Методологические основы формирования готовности студентов педагогического вуза к инновационной деятельности // Современное педагогическое образование. 2024. № 1. С. 263–265.
23. Шугаль Н. Б., Шматко Н. А., Бондаренко Н. В. Масштабы и перспективы цифровизации образовательной, научной и административной деятельности в государственных вузах // Мониторинг экономики образования. 2023. № 3. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2023/04/18/2029435433/release_3_2023.pdf (дата обращения 05.10.2024).
24. Bolshakova A., Mokhnatkina K. Electronic information educational environment as an ecosystem in the pedagogical process of a modern university // Development of educational. 2024. Vol. 3. no. 7. P. 19–26. DOI: <https://doi.org/10.31483/r-112671>.
25. Mutovkina N., Gusarov A., Ding S. Methodological Aspects of Teachers' Work in the Electronic Information Educational Environment // Artificial Intelligence, Medical Engineering and Education. 2024. С. 736–745. DOI: <https://doi.org/10.3233/ATDE231388>.
26. Wu Y. Research on Factors Influencing Teachers' Willingness for Knowledge Sharing // Transactions on Social Science, Education and Humanities Research: 3rd International Conference on Education Reform, Humanities and Social Studies (ERHSS 2024) 2024. Vol. 4. DOI: <https://doi.org/10.62051/jf8yj570>.

References

1. Abdeev RF. *Filosofiya informatsionnoy tsivilizatsii*. [Philosophy of the Information Civilization]. Moscow: VLADOS, 1994. (In Russ.).
2. Alekseeva IS. Online course as a form of online learning at a university. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. 2022;(12):244-247. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.37>. (In Russ.).
3. Herzberg F. Motivatsionnyy test [Motivational test]. Available from: <https://medinfovn.ru/docs/menedzer/Tests/9%20Test%20Gertsberga.pdf>. [Accessed 5 October 2024] (In Russ.).
4. Gotina EB. Motivation systems: an approach to university teachers. *Sovremennyye tendentsii v obrazovanii i nauke* [Modern trends in education and science] : a collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and practical conference: in 14 parts. 2014:38-39. (In Russ.).
5. Grinshkun VV, Robert IV, Bosova LL. [et al.] *Informatization of education: an explanatory dictionary of the conceptual apparatus*. Moscow: AEO Publishing House. 2023. Available from: <https://istina.msu.ru/publications/book/611169431/> [Accessed 5 October 2024] (In Russ.).
6. Dzhabatyrova BK, Khatit FR, Stash NM. A model for the formation of future teachers' readiness to design a psychologically safe environment. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Maikop State Technological University]. 2024;(2):77-85. DOI: <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-2-77-85> (In Russ.).
7. Zvereva VI, Nemova NV. Otsenka gotovnosti pedagoga k razvitiyu [Assessment of teacher readiness for development : diagnostic materials]. Available from: <https://school19-novoross.ru/doc/ОШкола/ИННОВАЦИЯ/ДЯТЕЛЬНО/РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ/ДИАГНОСТИКА-ПЕДАГОГА-ДИАГНОСТИКА.pdf>. [Accessed 5 October 2024] (In Russ.).
8. Ivanov AM. *Formirovaniye gotovnosti uchitelya k professional'nomu rostu v usloviyakh informatizatsii obrazovaniya (v sisteme povysheniya kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniya)* [Formation of teacher readiness for professional growth in the context of informatization of education (in the system of advanced training of education workers)]: author's abstract. dis. ... candidate of ped. sciences. 13.00.01. Moscow. 2007. (In Russ.).
9. Kandybovich LA. *Psikhologiya vysshey shkoly v Soyuznom gosudarstve* [Psychology of higher education in the Union State]. Minsk: Harvest. 2020. (In Russ.).
10. Kropotova MYu. Preparation and readiness of future teachers for innovative activities/ Innovatsionnyye proyekty i programmy v psikhologii, pedagogike i obrazovanii [Innovative projects and programs in psychology, pedagogy and education]: collection of articles from the International scientific and practical conference (Ufa, June 4, 2024). Ufa: Aeterna. 2024:99-101. (In Russ.).
11. Kuzminov YaI, Gokhberg LM, Shugal NB. *Tsifrovaya sreda v obrazovatel'nykh organizatsiyakh razlichnykh urovney* [Digital environment in educational organizations of various levels]: analytical report. Moscow: National Research University Higher School of Economics. 2023. (In Russ.).
12. Kulnevich TV. Readiness of future teachers to fulfill professional and pedagogical duty. *Nauchnyy rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya* [Scientific result. Pedagogy and psychology of education]. 2021;7(2):3-17. DOI: <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2021-7-2-0-1>. (In Russ.).
13. Manchenko TV, Guchetl IN. Modern technologies in the development of professional competence of higher education teachers. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Maikop State Technological University]. 2024;(1):48-56. DOI: <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-1-48-56>. (In Russ.).
14. Pletneva MS. ICT activity of a teacher. *Obrazovatel'naya sotsial'naya set'* [Educational social network]. 2013. Available from: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/materialy-mo/2013/04/21/kriterii-otsenki-ikt-kompetentsii-uchitelya-nachalnoy> [Accessed 5 October 2024] (In Russ.).
15. Pletneva MS. Criteria for assessing ICT competence. *Obrazovatel'naya sotsial'naya set'* [Educational social network]. 2013. Available from: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/materialy-mo/2013/04/21/kriterii-otsenki-ikt-kompetentsii-uchitelya-nachalnoy> [Accessed 5 October 2024] (In Russ.).
16. Pletneva MS. Implementation of professional tasks of a teacher. *Obrazovatel'naya sotsial'naya set'* [Educational social network]. 2013. Available from: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/materialy-mo/2013/04/21/kriterii-otsenki-ikt-kompetentsii-uchitelya-nachalnoy> [Accessed 5 October 2024] (In Russ.).

17. Savva LI, Klyukina AA. Formation of readiness of future teachers to prevent cyberbullying among students as a pedagogical problem. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education]. 2024;(84-1):275-278(In Russ.).
18. Semenov AL. Quality of informatization of school education. *Voprosy obrazovaniya: nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal* [Education issues: scientific and educational journal]. 2015;(3):248-270.(In Russ.).
19. Sukhanov DA. Pedagogicheskiye usloviya preodoleniya zatrudneniy pedagogov pri povyshenii kvalifikatsii v elektronnoy informatsionno-obrazovatel'noy srede [Pedagogical conditions for overcoming teachers' difficulties in advanced training in the electronic information and educational environment] : dissertation. candidate of ped. sciences. 5.8.7. St. Petersburg. 2023. (In Russ.).
20. Toffler E. The third civilizational wave. Universitet sotsiologii SOCIO [University of Sociology SOCIO]. 2024. Available from: <http://www.sociocity.ru/scitys-274-1.html> [Accessed 5 October 2024] (In Russ.).
21. Shamionov RM. The role of attitudes towards authoritarianism and social trust in manifestations of civic and online activity. *Ekspertimetal'naya psikhologiya* [Experimental Psychology]. 2023;16(2):101-120. (In Russ.)
22. Shilov KV, Berbenets OA, Kondratyuk IV, Lysenko OA. Methodological foundations for the formation of students' readiness of a pedagogical university for innovative activities. *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye* [Modern pedagogical education]. 2024;(1):263-265. (In Russ.).
23. Shugal NB, Shmatko NA, Bondarenko NV. The scale and prospects of digitalization of educational, scientific and administrative activities in state universities. Monitoring ekonomiki obrazovaniya [Monitoring the economy of education]. 2023;(3). Available from: https://www.hse.ru/data/2023/04/18/2029435433/release_3_2023.pdf [Accessed 5 October 2024] (In Russ.).
24. Bolshakova A, Mokhnatkina K. Electronic information educational environment as an ecosystem in the pedagogical process of a modern university. *Development of educational*. 2024;3(7):19-26. DOI: <https://doi.org/10.31483/r-112671>
25. Mutovkina N, Gusarov A, Ding S. Methodological Aspects of Teachers' Work in the Electronic Information Educational Environment. Artificial Intelligence, Medical Engineering and Education. 2024:736-745. DOI: <https://doi.org/10.3233/ATDE231388>.
26. Wu Y. Research on Factors Influencing Teachers' Willingness for Knowledge Sharing. Transactions on Social Science, Education and Humanities Research: 3rd International Conference on Education Reform, Humanities and Social Studies (ERHSS 2024) 2024;(4). DOI: <https://doi.org/10.62051/jf8yj570>.

Информация об авторах

А. А. Карташова — преподаватель кафедры общей и профессиональной педагогики Челябинского государственного университета, аспирант кафедры безопасности жизнедеятельности Южно-Уральского государственного университета (Национальный исследовательский университет).

И. О. Котлярова — доктор педагогических наук, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности.

Information about the authors

A. A. Kartashova — Lecturer at the Department of General and Professional Pedagogy at Chelyabinsk State University, graduate student at the Department of Life Safety at South Ural State University (National Research University).

I. O. Kotlyarova — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Life Safety Department.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024;
принята к публикации 10.11.2024.

The article was submitted 16.10.2024;
accepted for publication 10.11.2024.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 37.378.14

doi: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-24-31

К ВОПРОСУ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРОГРАММЫ ТРЕНИНГА ПО САМОРАЗВИТИЮ СУБЪЕКТНОСТИ ПЕДАГОГОВ ВУЗА

Ирина Александровна Бобыкина^{1✉}, Ирина Александровна Трушина²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, bobykina-ia@mail.ru, ORCID 0000-0002-8422-5228

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, trushina_ia@mail.ru, ORCID0000-0002-5001-5927

Аннотация. Изучение концептуальных основ государственной политики в сфере здравоохранения, в том числе по вопросам когнитивного здоровья, и анализ результатов диагностики субъектности педагогов вуза позволили выделить проблему исследования. Выявленная проблема заключается в недостаточной сформированности субъектности преподавателей, лежащей в основе компетенций в области самоорганизации здоровьесбережения. При этом, в федеральных образовательных стандартах зафиксированы требования со стороны государства к системе высшего образования в развитии универсальных компетенций здоровьесбережения у обучающихся. Необходимость разрешения данного противоречия свидетельствует об актуальности исследования. Целью работы является подтверждение выдвинутого предположения о том, что программа тренинга по развитию субъектности педагогов может стать одним из действенных средств, содействующих их личностному и профессиональному саморазвитию в сфере когнитивного здоровьесбережения. Методологическими основаниями исследования стали аксиологический, личностно-ориентированный, событийный, субъектно-деятельностный и субъектно-ресурсный подходы. Результаты исследования позволили определить исследовательскую идею о том, что специально организованная образовательная деятельность может способствовать личностному и профессиональному саморазвитию как педагогических работников, так и их обучающихся. Теоретическая значимость и новизна исследования заключаются в том, что систематизация и обобщение подходов к сущности когнитивного здоровья и анализ психосоциальных факторов развития когнитивных расстройств позволили определить подходы к проектированию программы тренинга, обеспечивающей развитие субъектности педагогических работников как ресурсного фактора когнитивного здоровья и средства личностного и профессионального саморазвития. Практическая значимость определяется авторским подходом к разработке программы тренинга, которая может быть использована в практической деятельности психологами вузов.

Ключевые слова: программа тренинга, субъектность, компетенция здоровьесбережения, когнитивное здоровье, педагоги, вуз.

Для цитирования: Бобыкина И. А., Трушина И. А. К вопросу проектирования программы тренинга по саморазвитию субъектности педагогов вуза // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2024. № 3 (27). С. 24–31. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-24-31.

Original article

ON THE ISSUE OF DESIGNING A TRAINING PROGRAM FOR THE SELF-DEVELOPMENT OF SUBJECTIVITY OF UNIVERSITY TEACHERS

Irina A. Bobykina^{1✉}, Irina A. Trushina²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, bobykina-ia@mail.ru, ORCID 0000-0002-8422-5228

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, trushina_ia@mail.ru, ORCID 0000-0002-5001-5927

Abstract. The study of the conceptual foundations of state policy in the field of healthcare, including on issues of cognitive health, and the analysis of the results of the diagnosis of subjectivity of university teachers made it possible to highlight the problem of research. The identified problem lies in the insufficient formation of the subjectivity of teachers, which is the basis of competencies in the field of self-organization of health care. At the same time, the federal educational standards set out the state's requirements for the higher education system in the development of

universal health-saving competencies of the students. The need to resolve this contradiction indicates the relevance of the study. The aim of the work is to confirm the assumption that the training program for the development of subjectivity of teachers can become one of the effective means to promote their personal and professional self-development in the field of cognitive health. The methodological foundations of the research are axiological, personality-oriented, event-based, subject-activity and subject-resource approaches. The results of the study allowed us to identify the research idea that specially organized educational activities can contribute to the personal and professional self-development of both teaching staff and their students. The theoretical significance and novelty of the study lies in the fact that the systematization and generalization of approaches to the essence of cognitive health and the analysis of psychosocial factors in the development of cognitive disorders allowed us to identify approaches to the design of a training program that ensures the development of subjectivity of teaching staff as a resource factor of cognitive health and a means of personal and professional self-development. The practical significance is determined by the author's approach to the development of a training program that can be used in practical activities by university psychologists.

Keywords: training program, subjectivity, competence of health care, cognitive health, teachers, university

Forcitation: Bobykina IA, Trushina IA. On the issue of designing a training program for the self-development of subjectivity of university teachers. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2024. № 3 (27). С. 24–31. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-24-31. (in Russ.).

Введение

Согласно государственной программе РФ «Развитие здравоохранения»¹. Правительством Российской Федерации предусмотрено повышение ожидаемой продолжительности жизни к 2030 г. до 78 лет и достижение уровня «80 +» к концу следующего десятилетия. Как отметил президент РФ в Послании Федеральному собранию, продолжительность жизни — важнейший базовый показатель благополучия граждан и страны в целом. При этом Путин В. В. подчеркивает значимость именно активной и здоровой жизни². В этой связи в качестве государственной меры, обеспечивающей возможность продления активной трудовой деятельности, реализуется пенсионная реформа по увеличению пенсионного возраста россиян, осуществляется национальный проект «Продолжительная и активная жизнь». Вместе с тем, необходимо отметить возрастающее количество человек с прогрессирующими когнитивными нарушениями в России, как и во всем мире. По прогнозам ВОЗ, рост когнитивных заболеваний с 47 млн случаев во всем мире достигнет 75 млн в 2030 г. и 132 млн в — 2050 г. Поскольку высокий уровень когнитивного функционирования напрямую связан с успешностью в профессии, инвалидность из-за когнитивных нарушений у работоспособного населения становится серьезной проблемой [1]. На международном уровне стратегия профилактики когнитивных расстройств нашла отражение

в Программе ВОЗ по заполнению пробелов в области охраны психического здоровья (MHGAP)³ и Комплексном плане действий ВОЗ в области психического здоровья на 2013-2030 гг.⁴

В контексте старения населения и увеличением количества людей с когнитивными расстройствами в России в Комплексной междисциплинарной и межведомственной программе, разработанной под эгидой Министерства здравоохранения РФ, для сохранения и укрепления когнитивного здоровья россиян предусмотрено среди прочего повышение осведомленности населения о проблемах когнитивного здоровья, оптимизация методов профилактики и проведение соответствующих научных исследований⁵.

В аспекте реализации государственных инициатив по сохранению здоровья граждан РФ отмечается поступательное увеличение регулярных инвестиций, реализация ряда проектов. Так, в рамках национального проекта «Демография» в структуру проектной части Госпрограммы включен федеральный проект «Укрепление общественного здоровья». В этом контексте когнитивное здоровьесбережение становится задачей как государства, так и общества.

³Психическое здоровье и употребление психоактивных веществ (who.int)

⁴World Health Organization. Comprehensive Mental Health Action Plan 2013- 2030. Geneva: World Health Organization, 2021 Comprehensive Mental Health Action Plan 2013–2030 (aidsdatahub.org)

⁵Комплексная междисциплинарная и межведомственная программа профилактики, раннего выявления, диагностики и лечения когнитивных расстройств у лиц пожилого и старческого возраста до 2025 г. Antidement_plan_060919.pdf (rgnkc.ru)

¹Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения» (minzdrav.gov.ru)

²Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2024. URL: Послание Президента Федеральному Собранию Президент России (kremlin.ru)

Современная государственная образовательная политика и ряд основополагающих законодательных и нормативных документов требуют от системы высшего образования развития универсальных компетенций здоровьесбережения у обучающихся всех уровней образования, существующих в Российской Федерации. Сформулированные требования в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования (далее — ФГОС ВО) являются нормативными основаниями, обязательными для исполнения любой образовательной организацией, реализующей ФГОС ВО¹. Следовательно, на социально-педагогическом уровне указанные позиции свидетельствуют о необходимости наличия у преподавателей вузов сформированных компетенций в области самоорганизации здоровьесбережения, необходимых для поддержания собственного когнитивного здоровья и требуемых для выполнения профессиональной деятельности.

Одним из ресурсных факторов когнитивного здоровья исследователи (Александрова Н. Х [2], Стрижицкая О. Ю., Петраш М. Д. [3]) считают субъектность, трактуемую как способность человека быть инициатором личной активности в различных сторонах собственной жизни (деятельность, общение, самопознание), направленной на изменение окружающего мира и самого себя (К. А. Альбуханова-Славская [4], А. В. Брушлинский [5]). Научные изыскания Е. Н. Волковой свидетельствуют о том, что субъектность педагога является не только основой его профессионализма, но и как важнейшее условие развития субъектности обучающегося влияет на развитие его личности.

В тоже время результаты диагностики субъектности преподавателей среднего возраста показывают недостаточный уровень её сформированности в области самоорганизации когнитивного

¹Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование, утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 февраля 2018 г. № 122. URL: ФГОС 44.03.02 Психолого-педагогическое образование — ФГОС (fgos.ru); Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 44.04.02 Психолого-педагогическое образование, утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 февраля 2018 г. № 127. URL: ФГОС 44.04.02 Психолого-педагогическое образование — ФГОС (fgos.ru)

здоровьесбережения. Так, анализ ответов показал, что 17 % педагогов уверены в том, что в полной мере компетентны в вопросах когнитивного здоровьесбережения, поскольку регулярно следят за своим когнитивным здоровьем. 45 % респондентов считают, что не в полной мере способны заниматься самоорганизацией когнитивного здоровьесбережения, поэтому нуждаются в приобретении соответствующих знаний и умений. 38 % — не обладают такой способностью, но при этом осознают необходимость ее развития.

Таким образом, мы можем констатировать наличие противоречия между необходимостью осуществлять профессиональную деятельность по развитию компетенций в области самоорганизации здоровьесбережения у обучающихся и недостаточным уровнем сформированности субъектности у педагогических работников. Данное противоречие вызвало необходимость проведения теоретического исследования, позволяющего определить эффективные решения по развитию исследуемой способности педагогов.

По результатам теоретического и эмпирического исследований выдвинуто предположение о том, что специально организованная образовательная деятельность может способствовать как личностному и профессиональному саморазвитию педагогических работников благодаря процессу саморазвития субъектности в области самоорганизации когнитивного здоровьесбережения, так и их обучающихся. При этом реализация программы тренинга может стать одним из действенных средств, содействующих саморазвитию преподавателей в сфере когнитивного здоровьесбережения.

Материалы и методы исследования

В целях изучения теоретических и практических решений проблемы исследования использован метод аналитического обзора источников информации отечественных и зарубежных авторов, анкетирование, проектирование.

Основными методологическими подходами к проектированию программы тренинга избраны следующие: аксиологический, личностно-ориентированный, событийный, субъектно-деятельностный и субъектно-ресурсный подходы.

В качестве теоретической основы избрана концепция субъектности Е. Н. Волковой [6], И. А. Сергиной [7], согласно которой субъектность рассматривается посредством отношения человека к себе как к деятелю.

Результаты исследования и их обсуждение

В современной жизни угрозой когнитивному здоровью педагогов становятся: большая информационная нагрузка, усложнившееся социальное бытие, нестабильность общественных процессов и трудности создания конгруэнтной картины мира.

В контексте размышлений о сохранности когнитивного здоровья педагогов важными являются результаты трудов О. А. Карабановой, О. Ю. Стрижицкой, М. Д. Петраш [3], Н. П. Романчука [8], В. Ф. Пятина, А. Н. Волобуева [9], Я. Штерна [10]; исследований по проблемам субъектности К. А. Абульхановой-Славской [4], Л. И. Анциферовой [11], А. В. Брушлинского [5], С. Л. Рубинштейна [12].

Когнитивное здоровье определяется уровнем функционирования когнитивных способностей человека, определяющих эффективность познавательной деятельности, а также любой продуктивной созидательной деятельности. В результате аналитического обзора научной литературы по проблеме исследования выявлено, что когнитивное здоровье педагогов вуза обусловлено как наследственными, социально-экономическими, физиологическими факторами, так и психологическими особенностями в период среднего возраста. Из наиболее серьезных психосоциальных факторов, опасных для когнитивного здоровья, выделяют: тревогу, хронический стресс, беспокойство, нарушения сна, чрезмерную нагрузку, стрессовые условия труда, низкий уровень заработной платы, нарушения режима труда и отдыха.

Однако годы образования, степень грамотности, сложность профессиональной деятельности, уровень интеллекта, социально-экономический статус и степень ментальной, социальной и физической активности в свободное время, особенности образа, могут выступать показателями когнитивного резерва [21]. Кроме того субъектность в разных сферах деятельности причисляют к механизмам поддержки когнитивного здоровья [20].

По нашему мнению, субъектность представляет собой способность человека осознанно ставить цели и управлять их достижением в разных сферах жизнедеятельности на основе самоорганизации различных ресурсов когнитивно-операционального (планирование целей, самооценка познавательной деятельности, рефлексия, т. п.) и личностно-регуляторного (настойчивость, самостоятельность, т. п.) уровней, накопленных в опыте человека при решении различных задач

жизнедеятельности. Как справедливо отмечает М. А. Щукина, субъектность есть способность личности к осуществлению самоуправления в социальном контексте своего бытия [13]. Аналогичные представления исследователей о субъектности как особом способе саморегуляции и самоорганизации личности, заключающемся в согласовании и координации всех (внутренних и внешних) условий реализации деятельности [14]. Среди основных показателей субъектности отмечают активность, самоорганизацию, осознанность мотивов, способность к рефлексии, ответственность, самостоятельность, способность к саморазвитию и самосовершенствованию, самоорганизацию, целеустремленность, свободу выбора и ответственность за него. Результаты исследований субъектности в онтогенезе свидетельствуют об уровне характере её развития с возрастом посредством преодоления зависимости от внешних условий.

Свидетельством значимости изучения субъектности педагога служат результаты исследований (Е. Н. Волкова, И. А. Зимняя, А. К. Маркова, Л. М. Митина) о том, что, во-первых, многие профессиональные способности, личностные свойства и качества педагога развиваются на основе субъектности, во-вторых, развитие субъектности обучающихся происходит под влиянием и при условии его развитой субъектности. Как утверждает А. Н. Яшкова, субъектность является профессионально-значимым психическим образованием, которым распоряжается субъект профессиональной деятельности, преобразуя внешний и внутренний мир [15]. Субъектность рассматривается профессиональной компетентностью педагога [17], системой педагогических способностей [18]. По определению И. А. Зимней субъектность как интегративное свойство личности педагога состоит из его психофизиологических свойств (задатков), его способностей, направленности и других личностных свойств и профессиональной компетентности (профессионально-педагогические и предметные знания и умения) [16]. Как справедливо отмечает Е. Н. Волкова, субъектность педагога как личностное образование, интегрирующее в себе все его свойства и качества, обуславливает успешность педагогической деятельности [19].

Исходя из того, что установлена возможность коррекции когнитивных функций [20], то необходимо подчеркнуть потенциал субъектности для влияния на показатели когнитивного здоровья и профессионализма педагога.

Полученные данные показали необходимость разработки специальной программы. Для поддержания когнитивного здоровья педагогов средней взрослости разработана коррекционно-развивающая программа и рекомендации по коррекции когнитивного здоровья педагогов средней взрослости с разными уровнями субъектности. Принципы проектирования программы тренинга: системности коррекционных, профилактических и развивающих задач; деятельностный и комплексности методов психологического воздействия. Программа тренинга предусматривает разнообразные техники, методы и приемы психологической работы (игротерапия, метод дискуссии, произвольное самовнушение, аутогенная тренировка и т. д.).

Исследование проводилось на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Челябинский государственный университет». Респондентами выступили педагогические работники вуза в возрасте от 40 до 60 лет. Метод подбора — произвольная выборка.

Процедура эмпирического исследования включала три этапа:

1. Фиксация эмпирических результатов исследования анкетных данных.

2. Описание и анализ результатов исследования анкетных данных.

3. Разработка программы тренинга.

Диагностический инструментарий:

1. Опросник «Уровень развития субъектности личности» М. А. Щукиной.

2. Методика «Диагностики субъектности» Е. Н. Волковой, И. А. Серединой.

3. Анкета «Трудности саморегуляции».

4. Опрос метакогнитивных убеждений (А. Уэллса и С. Картрайт-Хаттон, адаптирован Н. А. Сиротой, Д. В. Московченко, В. М. Ялтонским, А. В. Ялтонской).

5. Шкалы временного фокуса (Temporal Focus Scale, А. J. Shipp, J. R. Edwards, L. S. Lambert, 2009).

6. Анкета «Субъективный возраст» (Е. А. Сергиенко).

7. Методика «Временная компетентность личности» (сокращенный вариант).

В конце проведенной работы отмечается улучшение показателей когнитивных функций педагогов, повышение уровня субъектности.

Критерии эффективности программы:

1. Улучшение показателей состояния когнитивных функций.

2. Повышение уровня субъектности.

3. Сформированность самоконтроля в поведении.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что субъектность представляет собой качественное состояние личности педагога, констатируя высший уровень профессионального развития, с одной стороны. С другой стороны, субъектность педагога, как способность преобразовывать не только педагогическую деятельность, но и собственную жизнедеятельность, в частности в области когнитивного здоровьесбережения, выступает значимым ресурсным фактором их когнитивного здоровья.

Результаты теоретического исследования позволили определить исследовательскую идею о том, что специально организованная образовательная деятельность может способствовать личностному и профессиональному саморазвитию как педагогических работников, так и их обучающихся.

Теоретическая значимость и новизна исследования заключаются в том, что систематизация и обобщение подходов к сущности когнитивного здоровья и анализ психосоциальных факторов развития когнитивных расстройств позволили определить подходы к проектированию программы тренинга.

Практическая значимость определяется авторским подходом к разработке программы тренинга, которая может быть использована в практической деятельности психологов вузов.

Заключение. В рамках исследования проведен теоретический анализ имеющихся подходов к сущности когнитивного здоровья и психосоциальных факторов развития когнитивных расстройств, понятия субъектности педагогов, что позволило определить подходы к проектированию программы тренинга, обеспечивающей развитие субъектности педагогических работников вуза как ресурсного фактора когнитивного здоровья и средства личностного и профессионального саморазвития.

Теоретические и практические выводы данного исследования могут быть положены в основу психологического обеспечения когнитивного здоровья педагогов средней взрослости. Психологические меры по сопровождению профессиональной

деятельности должны быть направлены на развитие уровня субъектности и поддержание когнитивных функций.

Перспективным направлением дальнейших исследований является апробация разработан-

ной программы тренинга в образовательных организациях и оценка сформированной способности к самоорганизации в области когнитивного здоровьесбережения.

Список источников

1. Абульханова-Славская К. А. О субъекте психической деятельности. Москва : МОДЭК, 2003. 214 с.
2. Александрова Н. Х. Субъектность на поздних этапах онтогенеза. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2000. 125 с.
3. Анцыферова Л. И. Психология старости: особенности развития личности в период поздней зрелости // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 3. С. 86–99.
4. Брушлинский А. В. Психология субъекта. Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. 272 с.
5. Волкова Е. Н. Структура субъектности современного педагога. Мир психологии. 2023. № 2 (113). С. 52–60.
6. Волкова Е. Н. Субъектность педагога: теория и практика : автореф. Дисс. д-ра психол. наук. Москва: ПИРАО, 1998. 50с.
7. Зимняя И. А. Педагогическая психология. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. 480 с.
8. Маркова А. К. Психология труда учителя. Москва: Просвещение, 1993. 192 с.
9. Митина Л. М. Психология профессионального развития учителя. Москва : Флинта: Московский психолого-социальный институт, 1998. 200 с.
10. Романчук Н. П. Мозг человека и природа: современные регуляторы когнитивного здоровья и долголетия // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 6. С. 146–190. DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/67/21>.
11. Романчук Н. П., Пятин В. Ф., Волобуев А. Н. От электроэнцефалографии до позитронно-эмиссионной томографии: гибридные и комбинированные методы управления когнитивным мозгом // Образовательный вестник «Сознание». 2017. № 19 (8), С. 2–8.
12. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. Москва : Наука, 1997. 191 с.
13. Сергиенко Е. А. Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. 2013. № 34 (2). С. 5–16.
14. Серегина И. А. Психологическая структура субъектности как личностного свойства педагога : автореф. дис. канд. психол. наук. Москва, 1999. 24 с.
15. Стрижицкая О. Ю., Петраш М. Д. Конструирование продуктивной старости: биологические, психологические и средовые факторы // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 1. С. 8–28.
16. Стрижицкая О. Ю. Психология позитивного старения: условия, факторы и социальные эффекты геротрансцендентности: дис. д-ра психол. наук. Санкт-Петербург. 2018. 263 с.
17. Штерн Й., Ареназа-Уркихо Э.М., Бартрез-Фаз Д. [и др.] Определение и исследование когнитивного резерва, резерва мозга и поддержания мозга // *Alzheimer's&Dementia*. 2020. № 16 (9).С. 1305–1311.
18. Щукина М. А. Особенности развития субъектности личности в подростковом возрасте: автореф. дис. канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2004. 19 с.
19. Яшкова А. Н. Субъектность как психологическая предпосылка развития карьерной компетентности // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 2. С. 116–119.
20. Wallin A., Kettunen P., Johansson P.M.[et al.] Cognitive medicine — a new approach in health care science // *BMC Psychiatry*. 2018. № 1 (42). DOI: <https://doi.org/10.1186/s12888-018-1615-0>.
21. Christensen H., Mackinnon A. The Association between mental, social and physical activity and cognitive performance in young and old subjects // *Age and Ageing*. 1993. Vol. 22. № 3. P. 175–182. DOI: <https://doi.org/10.1093/ageing/22.3.175>.

References

1. Abulkhanova-Slavskaya KA. O sub'yektpsikhicheskoy deyatelnosti [On the subject of mental activity]. Moscow: MODEK, 2003. (In Russ.).
2. Aleksandrova NKh. Sub'yektnost' napozdnykh etapakh ontogeneza [Subjectivity at the late stages of ontogenesis]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Humanitarian Center, 2000. (In Russ.)
3. Antsyferova LI. Psychology of old age: features of personality development in late adulthood. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological journal]. 2001;22(3): 86-99. (In Russ.).
4. Brushlinsky AV. Psikhologiya sub'yekta [Psychology of the subject]. St. Petersburg: Aleteya, 2003. (In Russ.).
5. Volkova EN. The structure of subjectivity of a modern teacher. *Mir psikhologii* [The world of psychology]. 2023;2(113):52-60. (In Russ.).
6. Volkova EN. Subjectivity of the teacher: theory and practice [abstract of dissertation]. Moscow: PIRAO, 1998. 50 p. (In Russ.).
7. Zimnyaya IA. Pedagogicheskaya psikhologiya [Pedagogical Psychology]. Rostov-on-Don: Phoenix, 1997. (In Russ.).
8. Markova AK. Psikhologiya truda uchitelya [Psychology of teacher's work]. Moscow: Education. 1993.(In Russ.).
9. Mitina LM. Psikhologiya professional'nogo razvitiya uchitelya [Psychology of professional development of a teacher]. Moscow: Flinta: Moscow Psychological and Social Institute. 1998. (In Russ.).
10. Romanchuk NP. The human brain and nature: modern regulators of cognitive health and longevity. *Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice]. 2021;7(6):46-190. DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/67/21>. (In Russ.).
11. Romanchuk NP, Pyatin VF, Volobuev AN. From electroencephalography to positron emission tomography: hybrid and combined methods of cognitive brain control. *Obrazovatel'nyy vestnik «Soznaniye»* [Educational Bulletin «Consciousness»]. 2017;(19(8):2-8. (In Russ.).
12. Rubinstein SL. Cheloveki mir [Man and the World]. Moscow: Nauka, 1997. (In Russ.).
13. Sergienko EA. The problem of the relationship between the concepts of subject and personality. *Psikhologicheskiy zhurnal*. [Psychological journal]. 2013;(34(2):5-16. (In Russ.).
14. Seregina IA. Psikhologicheskaya struktura sub'yektnosti kak lichnostnogo svoystva pedagoga [Psychological structure of subjectivity as a personal property of a teacher] : [abstract of dissertation]. Moscow, 1999. (In Russ.).
15. Strizhitskaya OYu., Petrash MD. Construction of productive old age: biological, psychological and environmental factors. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy]. 2022;30(1):8-28. (In Russ.).
16. Strizhitskaya OYu. Psikhologiya pozitivnogo stareniya : usloviya, faktory i sotsial'nyye efekty geroy-transtsendentnosti [Psychology of positive aging: conditions, factors and social effects of gerotranscendence] : [dissertation]. St. Petersburg, 2018. (In Russ.).
17. Stern J, Arenaza-Urquijo EM, Bartez-Faz D, et al. Definition and investigation of cognitive reserve, brain reserve, and brain maintenance. *Alzheimer's&Dementia*. 2020;16(9):1305-1311. (In Russ.).
18. Shchukina MA. Features of the development of personality subjectivity in adolescence : [abstract of dissertation]. St. Petersburg, 2004. (In Russ.).
19. Yashkova AN. Subjectivity as a psychological prerequisite for the development of career competence. *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye*. [Humanities and Education]. 2012;2:16-119.(In Russ.).
20. Wallin A, Kettunen P, Johansson PM. et al. Cognitive medicine — a new approach in health care science. *BMC Psychiatry*. 2018; 18(42). DOI: <https://doi.org/10.1186/s12888-018-1615-0>.
21. Christensen H., Mackinnon A. The Association between mental, social and physical activity and cognitive performance in young and old subjects. *Age and Ageing*. 1993;22(3):75-182. DOI: <https://doi.org/10.1093/ageing/22.3.175>.

Информация об авторах

И. А. Бобыкина — доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой делового иностранного языка, факультет лингвистики и перевода.

И. А. Трушина — кандидат педагогических наук, доцент, директор Института образования и практической психологии.

Information about the authors

I. A. Bobykina — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, head of the Department of Business Foreign language, faculty of linguistics and translation.

I. A. Trushina — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, dean of the Institute of Education and Practical Psychology.

---

*Статья поступила в редакцию 21.10.2024;
принята к публикации 10.11.2024.*

*The article was submitted 21.10.2024;
accepted for publication 10.11.2024.*

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 37.04-053

doi: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-32-38

ГЕНЕЗ АРТИКУЛЯЦИОННОГО ПРАКСИСА ОТ РОЖДЕНИЯ ДО ТРЁХ ЛЕТ

Елена Викторовна Шереметьева^{1✉}, Яна Владимировна Ясинская²

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Россия, sheremetevaev2@cspu.ru, ORCID: 0000-0002-4925-1148

² Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Челябинск, Россия

Аннотация. Артикуляционный праксис представляет собой двигательные акты, сознательно регулируемые субъектом на основе имеющейся потребности и объединенные единой целью. Он не является врожденной способностью и развивается со временем. Ранний возраст входит в подготовительную и преддошкольную стадии формирования речевой деятельности. Развитие оральной моторики и формирование артикуляционного праксиса в этом возрасте можно разделить на периоды. Каждый период имеет ряд изменений. Появляется крик, гуление, лепет, модульный лепет, подражания словам взрослых, первые слова и фразы. Меняется пищевое поведение, от жидкой пищи ребенок переходит к более плотным и густым текстурам, начинает жевать. С физиологической точки зрения изменяется гортань, укрепляются мышцы периферического речевого аппарата, мимическая мускулатура, мышцы шеи, появляются зубы. По мере взросления у ребенка меняется мозговая организация, появляется возможность осуществлять более дифференцированные движения, развивается работа слухового, зрительного, кинестетического анализаторов, формируются третичные поля лобных долей мозга, это дает возможность выделять в речи слово, звук и осуществлять контроль при попытках их произнесения, подстраивать артикуляторный уклад для достижения искомого звучания.

Ключевые слова: ранний возраст, артикуляционный праксис, оральный праксис, раннее развитие, оральная моторика, артикуляционная моторика

Для цитирования: Шереметьева Е. В., Ясинская Я. В. Генез артикуляционного праксиса от рождения до трёх лет // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2024. № 3 (27). С. 32–38. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-32-38.

Original article

GENESIS OF ARTICULATORY PRAXIS FROM BIRTH TO THREE YEARS

Elena V. Sheremetyeva^{1✉}, Yana V. Yasinskaya²

¹ South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia, sheremetevaev2@cspu.ru, ORCID: 0000-0002-4925-1148

² South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. Articulatory praxis is a motor act consciously regulated by the subject based on the existing need and united by a single goal. It is not an innate ability and develops over time. Early age is included in the preparatory and pre-school stages of speech activity formation. The development of oral motor skills and the formation of articulatory praxis at this age can be divided into several periods. Each period has a number of changes. Screaming, cooing, babbling, modular babbling, imitation of adult words, first words and phrases appear. Eating behavior changes, the child moves from liquid food to denser and thicker textures, begins to chew. From a physiological point of view, the larynx changes, the muscles of the peripheral speech apparatus, facial muscles, neck muscles are strengthened, teeth appear. As the child grows, the organization of the brain changes, the ability to perform more differentiated movements appears, the work of the auditory, visual, kinesthetic analyzers develops, the tertiary fields of the frontal lobes of the brain are formed, this makes it possible to single out a word, sound in speech and exercise control when trying to pronounce them, adjust the articulatory structure to achieve the desired sound.

Keywords: early age, articulatory praxis, oral praxis, early development, oral motor skills, articulatory motor skills

For citation: Sheremetyeva EV, Yasinskaya YaV. Genesis of articulatory praxis from birth to three years. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2024. № 3 (27). С. 32–38. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-32-38. (in Russ.).

Речь является высшей психической функцией, тесно связана с другими психическими функциями: мышлением, вниманием, памятью, воображением и т.д. Появление речи — это важный показатель правильного развития ребенка. Она выводит его на новый уровень, качественно меняет взаимодействие с окружающими его людьми, дает возможность получать новые знания посредством слова, сообщать о своем состоянии и своих потребностях. Устная речь невозможна без артикуляционного праксиса, слаженной работы центрального и периферического речевых аппаратов. Поэтому задержка формирования артикуляционного праксиса задерживает и появление речи. Ранний возраст это сензитивный период (для становления речи), создание специальных условий и оказание корректирующего воздействия имеют благоприятный прогноз. Очень часто на задержку речевого развития до трех лет не обращают внимания ни родители, ни специалисты, работающие с ребенком. Предполагаем, это может быть связано с отсутствием информации об онтогенезе развития. Целью нашего исследования ставим теоретический анализ научной литературы и исследований по данному вопросу, описание генеза артикуляционного праксиса в раннем возрасте.

Артикуляционный праксис — двигательные акты, сознательно регулируемые субъектом на основе имеющейся потребности и объединенные единой целью [15]. Это движения органов артикуляции коркового «символического» уровня, объединенные замыслом, координируемые (регулируемые) лобными долями коры головного мозга и производимые различными мышцами периферического речевого аппарата.

Сформированность высших (корковых) отделов головного мозга в значительной степени, сохранность слухового, кинестетического, зрительного анализаторов, являются основой овладения артикуляционным праксисом [11, с. 20]. Все варианты проявлений деятельности мозга окончательно сводятся к одному явлению — мышечному движению [9].

Закономерности развития произношения — это закономерности II сигнальной системы, установленные для высшей нервной деятельности че-

ловека — закономерности формирования динамических условнорефлекторных стереотипов [8, с. 7]. Иными словами артикуляционный праксис представляет собой движения, динамические стереотипы, доведенные до автоматизма или рефлексов.

Дети раннего возраста по мнению А. А. Леонтьева проходят две стадии формирования речевой деятельности: первая подготовительная, включает период с момента рождения до двенадцати месяцев и вторая преддошкольная, включает возраст от двенадцати до тридцати шести месяцев [4].

Артикуляция является символическим уровнем движений и функционально надстраивается над анатомо-физиологическим базисом, который обеспечивает осуществление витальных потребностей — дыхания, пищеварения и обоняния [14, с. 72].

В период подготовительного этапа артикуляционный праксис надстраивается над оральным в процессе крика (0–2 месяца), гуления (2–6 месяцев), лепета (6–9 месяцев) и первых слов (9–12 месяцев).

Первый звук, издаваемый новорожденным — крик. Он возникает непреднамеренно, в неразрывной связи с множеством инстинктивных движений, той «двигательной бурей», которой младенец отвечает на новое для него ощущение внеутробной среды. Эта активность не минует и голосовые связки. Напрягаясь и сближаясь, они замыкают голосовую щель. Задерживается дыхание. Так рефлекторно возникают первые крики младенца [8, с. 38].

Каждый раз, когда ребёнок ощущает голод, холод, неудобство позы, боль и прочее, он издает всевозможные крики, которые уже являются динамическим стереотипом, координацией выдоха и работы голосовых связок. Младенческие крики никогда не бывают случайны. Они обусловлены врожденными нервно-мышечными связями, благодаря которым всякое внешнее или внутреннее раздражение оказывает рефлекторное воздействие преимущественно на определенную мышечную группу, систему мышц, в данном случае — на мышцы голосового аппарата [8, с. 38].

Гортань новорожденного выдается вперед и занимает носовой проход. Это создает

анатомическую возможность обеспечения витальных потребностей пить и дышать одновременно [14, с. 72]. Ребенку присущи три рефлекса, которые помогают ему питаться: рефлекс захватывания, сосательный рефлекс, глотательный рефлекс. При захватывании принимают участие мышцы губ и жевательные мышцы. В процессе сосания у ребенка задействован язык. Язык прижимает сосок и ареолу к нёбу. Вдоль языка, от его кончика до корня, проходит волна, подобная перистальтике, движения спереди назад и сверху вниз. Эти движения способствуют развитию мышц языка, мышц дна ротовой полости, мимической мускулатуры и зубочелюстной системы. В глотании принимают участие мышцы челюстно-лицевой, подъязычной области и глотки, развивается подвижность небной занавески, и укрепляются мышцы корня языка. С фонетической точки зрения крики новорожденных представляют собой выдыхания при суженной голосовой щели. Полость рта раскрыта и ее объем непрерывно меняется, это влечет изменение качества звука. В результате получается гласноподобный звук, разной степени открытости, со скользящими переходами от более широких к более узким звукам, и наоборот. Смыкание и захлопывание рта создает впечатление смычных звуков [14, с. 73].

В период с рождения до пятнадцати месяцев активно развиваются стволовые структуры мозга. Основной задачей данного периода является обеспечение потребностей выживания т. е. питания, укрытия, защиты, безопасности. Происходит сенсорное развитие вестибулярного аппарата, слуха, тактильных ощущений, обоняния, вкуса, зрения. Данный период входит в первый этап развития коры больших полушарий после рождения [12].

Таким образом, ребёнок, обеспечивая свои витальные потребности, тренирует голосовые связки, мышцы периферического речевого аппарата и начинает готовить его к дальнейшему формированию артикуляционного праксиса.

После крика у ребенка появляется гуканье. Гуканье это короткие звуки, которые возникают в период с двух до четырех месяцев. За ним следует гуление. Гуление представляет собой певучие звуки, которые возникают в период с четырёх до шести месяцев. Возникновение гуления говорит о появившейся возможности удерживать голосовые связки в определенном положении длительное время. В основном первыми появляющимися в этот период гласными являются «а, э» [7, с. 4].

К пяти месяцам гортань опускается глубоко в горло, открывая полость позади языка (фарингс). Опускание гортани и возникновение протяженной глотки создает принципиально новую конфигурацию речевого такта: он приобретает вид согнутой двухрезонаторной трубы с потенциально разными соотношениями глоточного и ротового резонаторов в зависимости от положения языка. Речевой тракт с такими характеристиками уже имеет весьма значительный артикуляционный потенциал [14, с. 73]. Это подтверждается появлением согласных, т.е. возможности образовывать преграду воздуху, выходящему из легких и проходящему через гортань, голосовые связки, глотку и ротовую полость. В основном первыми возникают согласные [м], [п], [т], затем появляются слоги «ба, ма, та». Звуки, произносимые ребёнком в процессе гуления, ещё не обладают особенностями, присущими речевым звукам, т. е. лишены корелированности, «фиксированной» локализации, константности артикуляционных позиций и релевантности [5, с. 24]. Эти звуки ещё не имеют смыслового содержания и служат только для привлечения внимания взрослого, но уже имеют интонационный рисунок.

В основе устной речи лежат фонаторно-дыхательные механизмы, комплексная отработка которых идет на первой стадии развития артикуляции. Ребёнок этого возраста имеет возможность в дальнейшем овладеть фонетической системой любого языка благодаря «большой степени свободы» произнесения, т. е. отсутствию характеристик, присущих определенным звукам [14, с. 74].

Также в этот период ребёнок сам показывает необходимость ввода прикорма, начинается обильное слюнотечение, рука тянется в рот. Регулярная практика произнесения звуков гуления и ввод прикорма способствуют дальнейшему развитию и укреплению мышц артикуляционного аппарата.

С шести до девяти месяцев формируется лепет. Лепет выражается в произнесении сочетаний звуков, соответствующих слогу и продуцировании различных по объему и структуре слоговых рядов. Он надстраивается над процессом гуления. В лепете постепенно начинают проявляться нормативные особенности звукопроизношения (коррелированность, фиксированная локализация, константность артикуляционных позиций, релевантность). Ребёнок «играет» своим звукопроизводительным аппаратом точно так же, как он играет своими ногами, руками. Затем

ребёнок начинает прислушиваться к собственному лепету, отбирает и повторяет одни и те же любимившиеся ему вариации – сам себе подражает и явно этим процессом наслаждается [8, с. 38]. Характерно, что интенсивный период упражнения артикуляционного аппарата и накопления звукового запаса лепета совпадает с периодом миеленизации таких важных для моторики регуляторов, как группа красного ядра и striatum. Миеленизация этих регуляторов движений заканчивается к шести месячному возрасту. Значение миеленизации выражается в том, что с ее наступлением связан переход от генерализованных движений к более дифференцированным. К полугодовалому возрасту заканчивается миеленизация ствола, надстволья, подкорковых образований, а также формирование экстрапирамидной системы. Ребёнок самостоятельно садится, то есть принимает вертикальное положение по собственному усмотрению, что существенным образом перестраивает опорно-мышечную систему [14, с. 74].

В этом возрасте вводят новые виды прикорма, более густые, плотные по консистенции, что способствует укреплению мышц периферического речевого аппарата, совершенствованию оральной моторики. Развитая оральная моторика увеличивает возможность артикуляции большего количества звуков, делает слоговой лепет богаче, как следствие ребёнок научается дифференцировать звуки в речи взрослых и начинает осваивать фонетическую систему родного языка. Это является одним из факторов, способствующих более раннему появлению речи.

На девятом-десятом месяцах жизни начинается формироваться понимание речи взрослых [1, с. 119]. От бесконечного, игрового, вольного произношения не вполне четко дифференцированных звуковых комбинаций ребёнок переходит к подражанию звукам, воспринимаемым извне: стуку, лаю, мяуканью, речи окружающих. Всё чаще и чаще повторяются комплексы, заимствованные из речи взрослых — комплексы, свойственные родному языку, их многократное повторение (повторение определенного движения) ведёт к закреплению двигательного навыка. Вначале они бессодержательны. Но постепенно часто повторяясь, слуховые и кинестетические раздражения связываются с предметом, действием, ощущением, которое постоянно им сопутствовало, начинают его «обозначать», сигнализировать его согласно общим закономерностям высшей условно-рефлек-

торной нервной деятельности [8, с. 40]. Появляются первые слова.

Специальные исследования показали, что в период формирования сложных движений, таких как ползание (семь месяцев), переступание (девять месяцев), действия с игрушками (десять месяцев) у ребенка понижается активность голосовых реакций. Это происходит из-за возникновения конкуренции между двигательными и голосовыми формами активности [7, с. 5].

Также было выявлено, что организация моторного контроля нижней челюсти у девятимесячных детей при сосании, жевании и лепете напоминает ту, что наблюдается у детей старшего возраста, а паттерны, связанные с жеванием и лепетом в девять месяцев, по-видимому являются новыми формами тех, что наблюдаются при жевании и речи у взрослых [19].

Лепет играет огромную роль в последующем развитии детской речи. Это период становления и совершенствования самого механизма произношения, период выработки автоматической последовательности в работе отдельных звеньев функциональной системы речи, складывается «синтагматическая организация» речи [8, с. 39], формируется «структурация» слога (появление «протосогласного» и «протогласного»), отмечается разделение потока речи на слоговые кванты, что свидетельствует о формировании у ребенка физиологического механизма слогаобразования [5, с. 24]. Лепет является базовой орально-моторной основой для дальнейшего формирования кинестетического и кинетического артикуляционного праксиса, и у нормально развивающегося ребенка постепенно переходит в речь [8, с. 40].

В возрасте пятнадцати месяцев начинается второй этап развития коры больших полушарий в постнатальный период. Он длится до четырёх с половиной лет. В это время активно развивается лимбическая система. Развиваются память, воображение, речевая и эмоциональная сферы, происходит овладение грубыми моторными навыками [12]. В полтора-два года наступает период усиленного развития понимания речи взрослых [1, с. 119].

В возрасте от года до полутора лет происходит резкое увеличение слов активного словаря. Это связано с тренировкой артикуляционных возможностей, постоянным упражнением в произношении звукового материала [14, с. 74]. Из множества физически возможных и отработанных в стадии лепета речевых артикуляций

ребёнок осваивает только те немногие, которые адекватны звукам речи окружающих. Установившаяся в стадии лепета рефлекторная взаимосвязь слуха и мышечного чувства позволяет ребёнку отрабатывать эти уклады, меняя положение органов артикуляции до тех пор, пока не получится уклад, воспроизводящий искомый звук. Одновременно диапазон издаваемых ребёнком звуков резко суживается. Весь речевой механизм приспособляется к произнесению небольшой группы звуков и притом преимущественно в их словесных сочетаниях, воспринимаемых ребёнком из речи окружающих. Все остальные артикуляционные уклады затормаживаются.

Исследования выявили, что пища с высокой силой перелома (сухари, печенье) способствовали улучшению в контроле и координации жевательной моторики, повлияли на жевательную эффективность. В тоже время как хлопья (мягкая еда) привели к небольшому количеству возрастных различий (возрастные группы 9, 12, 18, 24, 36 месяцев) [17]. Это подтверждает, что скоординированность работы будущего артикуляционного аппарата зависит от характера пищи и питания ребёнка. В этот период дети учатся есть ложкой, самостоятельно пить из чашки, тщательно пережевывать твердую пищу. Эти новые умения стимулируют развитие всех видов праксиса: общего, пальцевого, артикуляционного.

Второй год — это период неравномерного, скачкообразного становления всех сторон речи. Весь ход умственного развития ребёнка находится под его влиянием [7, с. 18]. К концу второго года отработка произношения новых слов идет значительно быстрее [8, с. 42]. Этот период уже можно назвать периодом осмысленной речи. Главное место занимает слово, а не звук. Ребёнок воспринимает слово как единое звучащее целое, несущее информацию и не чувствует, что слова состоят из отдельных звуков. Появляются осмысленные звукоподражания, похожие на слова, от которых возникает понимание того, что слова состоят из отдельных речевых движений. Эти речевые движения ребёнок оттачивает в звукоподражаниях [1, с. 124].

Исследования, проведенные в США, показывают, что дети, которые плохо владеют оральными движениями до двух лет, также плохо владеют языковыми навыками в этом возрасте. Дети, которые хорошо владеют оральными двигательными навыками, могут, находясь где угодно в спектре использования языка. Это подразуме-

вает, что оральные двигательные навыки являются необходимым, но недостаточным условием для хороших языковых навыков. Для последующего развития речи большое значение имеет сохранность не только кинестетического, но слухового и зрительного анализаторов [18].

На третьем году жизни формируются сложные третичные поля лобных долей мозга. Они обеспечивают связи со всеми отделами центральной нервной системы. Благодаря этим связям координируется и активизируется общая моторика, значительно улучшается артикуляция, обеспечивающая звукопроизнесение. С этого периода онтогенез артикуляционной моторики непосредственно связан с детским звукопроизнесением.

Таким образом, артикуляция, как символический уровень произвольного движения, формируется в определенной языковой среде под влиянием фонематического слуха и фонематического восприятия в такой последовательности: врожденные программы центральной нервной системы (крик, гуление, ранний лепет, связанные с филогенетической памятью речевой функциональной системы); поздний слоговой лепет (начало синергетического взаимодействия речедвигательного и речеслухового анализаторов); появление первых слов, фраз; тонкая дифференциация артикуляторных укладов и артикуляционных мелодий в различных фонетических вариантах [14, с. 76].

Необходимо отметить, что существуют исследования, ставящие под сомнение предположение о том, что речь возникает из ранее возникших орально-моторных форм поведения. Количественная оценка координационной организации мышц нижней челюсти у малышек во время речевого и неречевого поведения показала, что даже у детей на самых ранних стадиях истинного производства слов координация существенно отличалась от той, которая наблюдалась при других видах поведения. Производство настоящих слов преимущественно характеризовалось относительно более сильной связью между всеми мышцами нижней челюсти по сравнению с более ранним появлением жевания и сосания [20]. Впрочем, это не опровергает то, что артикуляционный праксис надстраивается над оральным праксисом, над анатомо-физиологическим базисом, осуществляющим витальные потребности организма в дыхании, пищеварении, обонянии.

Список источников

1. Визель Т. Г. Основы нейропсихологии: учебник для студентов вузов. Москва: АСТ, 2005. 382 с.
2. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. Санкт-Петербург: Детство-Пресс; Москва: Творческий центр Сфера, 2007. 470 с.
3. Доброгаев С. М. Речевые рефлексы: труды Лаборатории физиологии речи Акад. наук СССР. Москва, Ленинград: 1-я тип. изд-ва Акад. наук СССР в Ленинграде, 1947. 143 с.
4. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. Москва: Просвещение, 1969. 211 с.
5. Глухов В. П. Онтогенез речевой деятельности: курс лекций. Москва: МГПУ, 2017. 134 с.
6. Павлов И. П. Полное собрание трудов. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. Режим доступа: http://elib.old.gnpbu.ru/text/pavlov_pss_t6_1952/go,12;fs,1/ (дата обращения 01.10.2024).
7. Печора К. Л. Развитие речи детей раннего возраста. Москва: [б. и.], 1972. 18 с.
8. Пискунов М. А. Анатомо-физиологические основы и терапия косноязычия. Москва: МЕДГИЗ, 1962. 162 с.
9. Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1942. 148с.
10. Филичева Т. Б. Основы логопедии. Москва: Просвещение, 1989. 221 с.
11. Фомичева М. Ф. Воспитание у детей правильного произношения: практикум по логопедии. Москва: Просвещение, 1989. 239 с.
12. Сиротюк А. Л. Нейропсихологическое и психофизиологическое сопровождение обучения. Москва: Сфера, 2003. 284 с.
13. Швачкин Н. Х. Развитие фонематического восприятия речи в раннем возрасте // Возрастная психолингвистика: хрестоматия Москва: Лабиринт, 2004. С. 113–143.
14. Шереметьева Е. В. От рождения до первой фразы: тернистый путь к общению: монография. Челябинск: Юж.-Урал. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2019. 282 с.
15. Шереметьева Е. В. Формирование артикуляционной моторики у детей раннего возраста : учеб.-практ. пособие. Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. гуманитар.-пед. ун-та, 2017. 106 с.
16. Шереметьева Е. В. Понимание грамматики обращённой речи детьми раннего возраста с отклонениями в овладении речью: лекция. Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2017. 47 с.
17. Simione M, Loret C., Révérend B. [et al.] Differing structural properties of foods affect the development of mandibular control and muscle coordination in infants and young children // National Library of Medicine. 2018. Vol. 15. № 186. P. 62–72. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.physbeh.2018.01.009>.
18. Alcock K. The development of oral motor control and language // Down Syndrome. 2006. Vol. 11. № 1. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.3104/reports.310>.
19. Steeve R. W., Moore C. A., Green J. R. [et al.] Babbling, chewing, and sucking: oromandibular coordination at 9 months// Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2008. Vol. 51. № 6. P. 1390–1404.
20. Moore C. A., Ruark J. L. Does speech emerge from earlier appearing oral motor behaviors? // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 1996. Vol. 39. № 5. P. 1034–1047. DOI: <https://doi.org/10.1044/jshr.3905.1034>.

References

1. Vigel TG. Osnovy neyropsikhologii: uchebnyy dlya studentov vuzov [Fundamentals of neuropsychology: a textbook for university students]. Moscow: AST, 2005. (In Russ).
2. Gvozdev AN. Voprosy izucheniya detskoj rechi [Issues of studying children’s speech]. St. Petersburg: Childhood Press; Moscow: Creative Center Sphere, 2007. (In Russ).
3. Dobrogaev SM. Rechevyye refleksy: trudy Laboratorii fiziologii rechi. Akad. nauk SSSR [Speech reflexes: works of the Laboratory of speech physiology of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Leningrad: st type. Publishing house of the USSR Academy of Sciences in Leningrad. 1947. (In Russ).
4. Leontiev AA. YAzyk, rech’, rechevaya deyatel’nost’ [Language, speech, speech activity]. Moscow: Prosveshchenie. 1969. (In Russ).
5. Glukhov VP. Ontogenez rechevoy deyatel’nosti: kurs lektsiy: uchebnoye posobiye [Ontogenesis of speech activity: course of lectures: textbook]. Moscow: MGPU. 2017. (In Russ).
6. Pavlov IP. Polnoye sobraniye trudov. Moskva [Complete Works. Moscow]; Leningrad: Publishing House

of the USSR Academy of Sciences. 1952. Available from: http://elib.old.gnpbu.ru/text/pavlov_pss_t6_1952/go,12;fs,1/ [Accessed 16 October 2016] (In Russ.).

7. Pechora KL. Razvitiye rechi detey rannego vozrasta [Development of speech in young children]. Moscow: 1972. (In Russ.).
8. Piskunov MA. Anatomical and physiological foundations and therapy of tongue-tiedness. Moscow: MED-GIZ, 1962. (In Russ.).
9. Sechenov IM. Refleksy golovnoy mozga [Reflexes of the brain]. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. 1942. (In Russ.).
10. Filicheva TB. Osnovy logopedii [Fundamentals of Logopedics]. Moscow: Prosveshchenie, 1989. (In Russ.).
11. Fomicheva MF. Vospitaniye u detey pravil'nogo proiznosheniya: praktikum po logopedii [Teaching children correct pronunciation: a practical course in speech therapy]. Moscow: Prosveshchenie, 1989. (In Russ.).
12. Sirotiyuk AL. Neyropsikhologicheskoye i psikhofiziologicheskoye soprovozhdeniye obucheniya [Neuropsychological and psychophysiological support of training]. Moscow: Sfera. 2003. (In Russ.).
13. Shvachkin NKh. Development of phonemic perception of speech at an early age. *Vozrastnaya psikhologingvistika: khrestomatiya* [Age psycholinguistics: anthology]. Moscow: Labyrinth. 2004; 113–143. (In Russ.).
14. Sheremetyeva EV. Ot rozhdeniya do pervoy frazy: ternisty put' k obshcheniyu: monografiya [From birth to the first phrase: the thorny path to communication: monograph]. Chelyabinsk: South-Ural. state. humanitari-an-ped. University. 2019. (In Russ.).
15. Sheremetyeva EV. Formirovaniye artikulyatsionnoy motoriki u detey rannego vozrasta: ucheb.-prakt. posobiye [Formation of articulatory motor skills in young children: a textbook and practical manual]. Chelyabinsk: Publishing house of the South-Ural state humanitarian-pedagogical university. 2017. (In Russ)
16. Sheremetyeva EV. Ponimaniye grammatiki obrashchonnoy rechi det'mi rannego vozrasta s otkloneniyami v ovladenii rech'yu: lektsiya. [Understanding the grammar of addressed speech by young children with speech development disabilities: lecture]. Chelyabinsk: Publishing house of South-Ural state humanities-pedagogical university. 2017. (In Russ)
17. Simione M, Loret C, Révérend B [et al.]. Differing structural properties of foods affect the development of mandibular control and muscle coordination in infants and young children. *National Library of Medicine*. 2018;15:(186):62-72. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.physbeh.2018.01.009>.
18. Alcock K. The development of oral motor control and language. *Down Syndrome*. 2006;11(1):1-8. DOI: <https://doi.org/10.3104/reports.310>.
19. Steeve RW, Moore CA, Green JR. [et al.]. Babbling, chewing, and sucking: oromandibular coordination at 9 months. *J Speech Lang Hear Res*. 2008; 51(6):1390-1404
20. Moore CA, Ruark JL. Does speech emerge from earlier appearing oral motor behaviors? *J Speech Hear Res*. 1996;39(5):1034-1047. DOI: <https://doi.org/10.1044/jshr.3905.1034>.

Информация об авторах

Е. В. Шереметьева — кандидат педагогических наук, доцент.

Я. В. Ясинская — магистрант.

Information about the authors

E. V. Sheremetyeva — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Ya. V. Yasinskaya — Master's student.

Статья поступила в редакцию 20.10.2024;
принята к публикации 10.11.2024.

The article was submitted 20.10.2024;
accepted for publication 10.11.2024.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-39-47

КОНСТРУКТИВНЫЙ ПАТРИОТИЗМ: ДИЗАЙН ЭКСПРЕСС-ОПРОСНИКА ПАТРИОТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Валерий Валентинович Спасенников

Брянский государственный технический университет, г. Брянск, Россия, spas1956@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4378-3426

Аннотация. Проанализированы взгляды отечественных и зарубежных психологов на природу патриотизма и патриотичности личности. Приведена обобщенная система показателей для измерения патриотизма, которая разрабатывается в трудах отечественных ученых. Разработан опросник экспресс-диагностики патриотичности личности.

Ключевые слова: патриотичность личности, студенческая молодежь, методический инструментарий, измерения, военно-патриотическое воспитание, национальная идея, идеология

Для цитирования: Спасенников В. В. Конструктивный патриотизм: дизайн экспресс-опросника патриотичности личности // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2024. № 3 (27). С. 39–47. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-39-47.

Original article

CONSTRUCTIVE PATRIOTISM: DESIGN OF AN EXPRESS QUESTIONNAIRE OF PERSONAL PATRIOTISM

Valery V. Spasennikov

Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia, spas1956@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4378-3426

Abstract. The views of domestic and foreign psychologists on the nature of patriotism and patriotism of the individual are analyzed. A generalized system of indicators for measuring patriotism is presented, which is being developed in the works of domestic scientists. A questionnaire for express diagnostics of a person's patriotism has been developed.

Keywords: patriotism of the individual, student youth, methodological tools, measurements, military-patriotic education, national idea, ideology

For citation: Spasennikov VV. Constructive patriotism: design of an express questionnaire of personal patriotism. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare.* 2024. № 3 (27). С. 39–47. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-39-47. (in Russ.).

«...Патриотизм — прочный фундамент будущего России»
В. В. Путин. Президент Российской Федерации

В наших и других исследованиях проблем, ориентированных на выявление патриотических настроений среди населения страны, выделяют два взаимосвязанных типа патриотизма: гражданско-

го и военного (А. Н. Печников [5]; В. В. Спасенников [7]; Т. А. Шулыгина, Н. А. Кетова, Е. П. Непочатых [9] и др.).

Гражданский тип патриотизма проявляется через:

- любовь к Родине, её народу и истории, её культуре, языку и природе;

● гордость за свой народ, малую родину и страну в целом;

● верность ценностям и традициям своего народа;

● ответственность перед государством и активную жизненную позицию;

● готовность к труду на благо своего Отечества.

Военный патриотизм связывается с осознанным чувством верности Отечеству, готовностью к выполнению гражданского долга по защите интересов Родины. Военный патриотизм наряду с гражданским представляет собой важнейшую духовно-нравственную ценность, однако в качестве основы для проявления военного патриотизма выступает целенаправленная специально организованная подготовка по формированию готовности на различных уровнях профессионализма к службе в государственных ведомствах, «верности конституционному и воинскому долгу в условиях мирного и военного времени, высокой ответственности и дисциплинированности» [8].

Таким образом, возникает вопрос, насколько успешно в высшей школе формируются социогуманитарные знания, связанные с формированием национально-государственной идентичности в процессе гражданско-патриотического и военно-патриотического воспитания.

В современной геополитической ситуации особую актуальность приобретает изучение настроений студенческой молодежи к собственной государственной идентичности с целью определения вектора воспитательного воздействия. Так со студентами первого курса двух факультетов Брянского государственного технического университета было проведено открытое офлайн-анкетирование.

Студентам было предложено ответить на вопрос: какие эмоции вызывает у Вас российское государство? Опрос проводился в 2016 и 2022 гг.

В табл. 1 приведены ответы студентов в 2016 г. и в 2022 г., которые, как видно, в значительной степени различаются. Первичная обработка эмпирических данных показывает значительное увеличение смешанных положительных чувств (надежда и удивление) с 7,6 % до 35,5 % и резкое уменьшение крайне негативного отношения (возмущение, стыд, ненависть) с 44,9 % до 11,5 %, что свидетельствует о возможных позитивных сдвигах не только в эмоционально-оценочных, но и в нормативно-оценочных и поведенческих компонентах национально-государственной идентичности за прошедший период.

Консолидация студенческой молодежи и рост чувственно-эмоциональных позитивных компонентов отношения к российскому государству за прошедший с 2016 по 2022 гг. период обусловлен, по нашему мнению, как специальной военной операцией, так и действиями коллективного Запада по отстранению российских вузов из состава участников Болонской декларации, других неадекватных мер по изоляции страны от участия в культурной жизни европейского пространства (С. Н. Кипреев, [3]; В. В. Спасенников, [8]).

Следует отметить, что на современном этапе российско-украинских отношений в период проведения специальной военной операции (СВО) значительно обострилась проблема оценки сущности патриотизма и национализма.

В период с 10 по 12 мая 2022 г. со студентами первого курса двух факультетов Брянского

Таблица 1
Table 1

**Сравнительный анализ ответов студентов на вопрос:
«Какие эмоции у вас вызывает российское государство?»**

№	Варианты ответов	Студенты в 2016 г. (N=118)		Студенты в 2022 г. (N=96)	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1	Позитив (гордость, патриотизм, воодушевление)	7	5,9	25	26,0
2	Смешанные позитивные чувства (надежда, удивление)	9	7,6	36	37,5
3	Смешанные отрицательные чувства (дисгармония, беспокойство)	30	25,5	18	18,7
4	Крайне негативные чувства (стыд, ненависть)	53	44,9	11	11,5
5	Безразличное отношение	19	16,1	6	6,3

государственного технического университета (факультета информационных технологий и факультета отраслевой и цифровой экономики) было проведено открытое оффлайн-анкетирование (выборка включала 96 студента без разделения по полу и возрасту). Студентам было предложено ответить на два вопроса:

1. Перечислите, в чем заключаются отличия патриота от националиста в российско-украинских отношениях?

2. Какие эмоции у Вас вызывает российское государство?

Ответы на первый вопрос сведены в табл. 2, где представлены результаты оффлайн-опроса студентов по оценке модальных характеристик отличий концептов «патриот» и «националист».

Анализ табл. 2 свидетельствует о том, что вооруженные защитники российской армии ассоциируются у первокурсников с патриотами страны, которые любят свою Родину и гордятся ею, поэтому защищают её от врагов. Украинские националисты и воюющие на их стороне наемники, ставят фашистов и нацистов выше других, ненавидят русских и не любят чужаков.

Следует, однако, отметить, что отсутствие идеологии в России привело к тому, что если в формально воспитательной работе со студентами можно проследить элементы формирования национально-государственной идентичности, то, в том, что касается военно-патриотического воспитания как в учебной, так и во внеучебной деятельности, а также результатов анкетного опроса студентов БГТУ, эта работа оставляет желать лучшего. На рис. 1 представлены результаты ответов

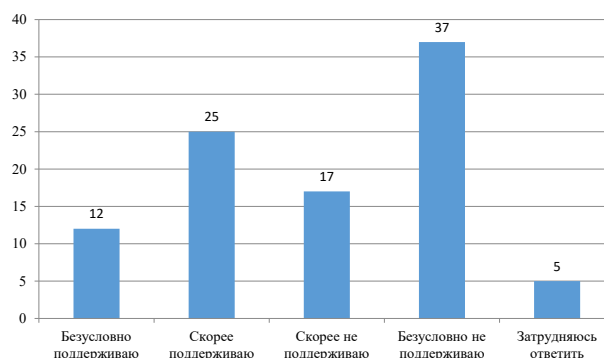

Рис. 1. Результаты ответов студентов на вопрос: «Насколько Вы поддерживаете специальную военную операцию?» (N = 96, май 2022 г.).
Figure 1. The results of students' answers to the question: «To what extent do you support special military operation?» (N = 96, May 2022).

студентов БГТУ (N = 96) в мае 2022 г. на вопрос: «Насколько Вы поддерживаете специальную военную операцию?» (Выборка включает студентов бакалавриата факультета отраслевой и цифровой экономики без разделения по полу и возрасту).

Тот факт, что более половины опрошенных студентов (54 из 96 человек, что составляет 54,2 %) не поддерживает специальную военную операцию и пять человек (6,1 %) затруднились ответить, свидетельствует о крайне низком уровне военно-патриотического воспитания студентов БГТУ на факультете отраслевой и цифровой экономики.

Значительно более высокими с точки зрения патриотичности стали результаты опроса студентов в мае 2024 г. (выборка без распределения по полу и возрасту (N = 114), студенты факультета информационных технологий). Как следует из резуль-

Таблица 2
Table 2

Студенческая оценка модальных характеристик отличия концепта патриот от концепта националист (выборка N=96)

№	Патриоты	Кол-во	%	№	Националисты	Кол-во	%
1	Любят Родину	32	33,3	1	Ставят свой народ выше других	26	27,0
2	Гордятся Родиной	19	19,8	2	Ненавидят другие народы	16	16,6
3	Защищают от врагов	15	15,6	3	Не любят чужаков	16	16,6
4	Работают во благо Родины	12	12,5	4	Любят только свой народ	14	14,6
5	Готовы жизнь отдать за Родину	10	11,0	5	Готовы защищать от врагов	13	13,6
6	Уважают противников	8	7,8	6	Не уважают противников	11	11,6

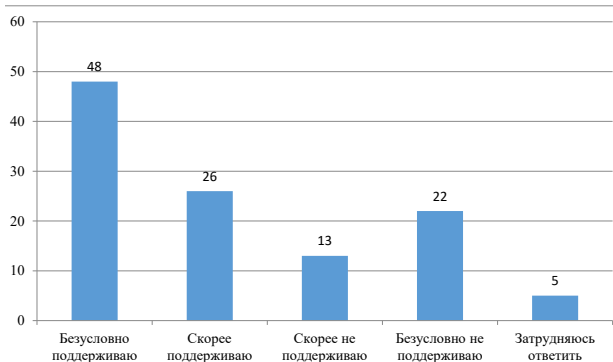

Рис. 2. Результаты ответов студентов на вопрос: «Насколько Вы поддерживаете специальную военную операцию?» (N=114, май 2024 г.).

Figure 2. Results of student responses to the question: «To what extent do you support a special military operation?» (N=114, May 2024).

татов опроса СВО поддерживает почти две трети респондентов (64,9 %), однако настораживает тот факт, что почти третья часть студентов (30,7 %) не поддерживает проведение специальной военной операции на Украине (рис. 2).

Позитивным моментом, связанным со знанием военной истории нашего государства, являются результаты опроса студентов о ключевых сражениях Советской армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): студенты первого курса со школьной скамьи смогли вспомнить о Битве за Москву, Курской битве, Сталинградской битве, операции «Багратион» и битве за Берлин.

В наших и других исследованиях показано, что в патриотическом воспитании студентов большое значение имеет выявление предпочтений студентов к празднованию различных событий про-

шлого и отношения к музыкальным произведениям и песням (В. Л. Дубравин [1]; В. О. Зверев, А. А. Морозов [2]; С. Н. Кипреев [3]; О. Н. Проккопюк [6]; А. Н. Лебедев, О. В. Гордякова [4] и др.). В перечисленных выше работах показано, что в песнях отражаются все телесно-душевно-духовные характеристики человека и общества: национальность, возраст, пол, профессия, социальное и семейное положение, прошлое, мечты о будущем, география, климат, история и т.д. Песни имеют сложную конструкцию, они включают множество составляющих: словесно-смысловая, поэтическая, образная, информационная, содержательная, музыкальная (мелодия, аранжировка, ритм и др.), исполнительская, голосовая, мимическая, пластическая, костюмная, косметическая, цветовая, световая, сценическая и др. [4].

В табл. 3 приведен список топ-10 предпочтений студентов факультета информационных технологий по отношению к патриотическим песням (всего опрошено 114 студентов, каждый мог сделать три выбора).

Конечно, помимо отечественных патриотических песен, у студентов достаточно широкий кругозор и эрудиция и в сфере зарубежной эстрады, что является предметом отдельного исследования.

С позиций информационно-психологической безопасности личности и, более того, национальной безопасности следует рассмотреть проникновение в молодёжную среду чуждой нам культуры, например, праздник Хэллоуин [3; 6].

В мае 2024 г. был проведен анкетный опрос отношения студентов факультета информационных

Таблица 3

Table 3

Топ-10 патриотических песен о Родине и песен военных лет (предпочтения и выборы студентов)

Название песни (гимн)	Слова, музыка	Кол-во выборов
Гимн России	С. Михалков, А. Александров	143
Я Русский	Я. Дронов (Шаман)	140
Журавли	Р. Гамзатов, Я. Френкель	111
Священная война	А. Александров, В. Лебедев-Кумач	103
Катюша	М. Блантер, М. Исаковский	96
День Победы	Д. Тухманов, В. Харитонов	94
Шумел сурово Брянский лес	А. Сафронов, С. Кац	81
Жди меня	К. Симонов, М. Блантер	78
Тёмная ночь	Н. Богословский, В. Агатов	75
Встанем	Я. Дронов (Шаман)	72

технологий БГТУ (N=114) к празднику Хэллоуин (табл. 4).

Первичная обработка результатов анкетирования свидетельствует о легкомысленном отношении российских студентов к чуждому для нашей культуры празднику Хэллоуин.

Несмотря на негативное отношение студентов к крови, оторванным частям тела, трупам, неприятию ужасов, темноты и вампиров, привлекательными в данном празднике в следствии амбивалентности чувственного восприятия является веселое время проведение в шумной компании с мистическими заклинаниями в костюмах ведь-

мы и дьявола. Вполне очевидно, что для студенческого КВН и любых других мероприятий, связанных со свободным от учебы времяпровождением, подобные праздники – это угроза отечественной культуре.

В рамках освоения учебных дисциплин социогуманитарного цикла, необходимо, по нашему мнению, достичь решения основных задач, содержание которых в сфере духовно-нравственного и военно-патриотического восприятия, представлено в табл. 5.

Решение поставленных задач, отраженных в табл. 5 связано с необходимостью разработки

Таблица 4

Table 4

Отношение студентов университета к празднику Хэллоуин (объём выборки N =1 14)

Факторы / утверждения	Нет	Скорее нет	Нечто среднее	Скорее да	Да	Среднее
Хэллоуин – это веселое проведение времени	2	3	14	29	66	4,35
Хэллоуин – это личный повод побывать в веселой компании	3	4	19	31	57	4,18
В Хэллоуине нет ничего плохого при одевании в костюмы ведьмы или дьявола	8	9	28	30	49	4,17
Хэллоуин – это праздник, в котором можно проявить себя	3	7	18	35	51	4,09
Хэллоуин – шумный праздник, в нем нет ничего плохого	9	10	17	28	55	3,88
В Хэллоуине есть мистические заклинания и это забавно	12	13	10	31	48	3,79
В Хэллоуине вызов духов это интересная процедура	10	11	22	32	39	3,69
В Хэллоуине шуточное убийство может быть смешным	19	21	20	33	21	3,14
В Хэллоуине меня привлекают вампиры и темнота, мне интересны ужасы	22	21	39	17	15	2,84
В Хэллоуине трупы, кровь, оторванные части тела не вызывают у меня отвращения	25	32	30	16	11	2,64

Таблица 5

Table 5

Цели и задачи духовно-нравственного и военно-политического воспитания в процессе формирования патриотичности личности студента

Задачи духовно-нравственного воспитания	Задачи военно-патриотического воспитания
Осознание духовных ценностей российского народа и российского воинства; сформированность ценности безопасного поведения, осознанного и ответственного отношения к личной безопасности, безопасности других людей, общества и государства.	Сформированность российской гражданской идентичности, уважения к своему народу, памяти защитников Родины и боевым подвигом Героев Отечества, гордости за свою Родину и Вооруженные Силы Российской Федерации, прошлое и настоящее многонационального народа России, российской армии и флота.
Способность оценивать ситуацию и принимать осознанные решения, готовность реализовать риск-ориентированное поведение, самостоятельно и ответственно действовать в различных условиях жизнедеятельности по снижению риска возникновения опасных ситуаций, перерастания их в чрезвычайные ситуации, смягчению их последствий.	Ценностное отношение к государственным и военным символам, историческому и природному наследию, дням воинской славы, боевым традициям Вооруженных Сил Российской Федерации, достижениям государства в области обеспечения безопасности жизни и здоровья людей.
Ответственное отношение к своим родителям, старшему поколению, семье, культуре и традициями народов России, принятие идей волонтерства и добровольчества.	Сформированность чувства ответственности перед Родиной, идейная убежденность и готовность к служению и защите Родины, психологическая готовность к выполнению священного долга по защите Отечества с оружием в руках при необходимости.

модели патриотичности личности, которая, по моему мнению, до сих пор отсутствует.

По мнению автора, патриотичность личности студента — это её духовно-нравственный и военно-патриотический потенциал как основа патриотизма.

Духовно-нравственный и военно-патриотический потенциал на поведенческом уровне проявляются в отношении к труду и будущей профессиональной деятельности с учетом познавательных потребностей, когнитивных способностей и потребностей в информационно-психологической безопасности, а также в требовательности к себе и отношении к семье, референтной группе и государству с учетом национально-государственной, религиозной идентичности и сформированного патриотического самосознания.

Модель патриотичности личности связана с подструктурой направленности как свойства личности. Для её разработки на данном этапе наших исследований составлен опросник самооценки патриотичности личности (ОСПЛ), который приведен ниже.

Опросник самооценки патриотической личности

Инструкция: пожалуйста, прочитайте утверждения и выберите ответ, наиболее точно отражающий степень Вашего согласия или несогласия с ними по шкале от 1 до 7: 1 — совершенно не согласен; 2 — не согласен; 3 — скорее не согласен; 4 — нейтрален / не могу определиться; 5 — скорее согласен, чем не согласен; 6 — согласен; 7 — полностью согласен

1. Я уверен(а), что в России должна быть национальная идея, которая связана с формированием патриотизма.

2. Я думаю, что история России повлияла на сформированность моих патриотических чувств.

3. Я уверен(а), что родной язык определяет национальную идентичность в процессе формирования чувств патриотизма.

4. Я предполагаю, что семья, быт, экономическое благополучие и удовлетворенность жизнью во многом влияют на мое отношение к Родине.

5. Я считаю, что соблюдение здорового образа жизни, регулярные занятия физкультурой и спортом связано с формированием чувств патриотизма.

6. Я думаю, что бережное отношение к природе, защита растений и животных, сохранение природных ресурсов для последующих поколений — это гражданский долг каждого россиянина.

7. Я считаю, что соблюдение этических норм в социальных сетях, критическое отношение к медийному новостному пространству связаны с информационно-психологической безопасностью личности.

8. Я уверен(а), что каждый россиянин должен гордиться историей трудовых, спортивных и военных побед и воспринимать службу в армии как священный долг каждого гражданина.

9. Я считаю, что каждый россиянин должен интересоваться отечественной и мировой культурой, понимание культурных особенностей разных народов и гордиться российской культурой.

10. Я думаю, что патриотичность личности связана с формированием качеств по отношению к созидательной деятельности, другим людям, семье, обществу, армии, органам правопорядка и руководству страны.

Ключ для подсчета баллов по двум шкалам опросника и диапазон средних значений находятся в стадии разработки.

Пилотный опрос на выборке N = 114 студентов позволил установить следующие предварительные соотносительные нормы об уровне патриотичности личности студента (табл. 6).

Перспективой дальнейшего исследования является проверка надежности иконструктивной валидности опросника патриотичности личности с опросником для оценки типа патриотического поведения А. Н. Лебедева и О. В. Гордяковой патриотичности личности, а также проверки корреляции шкал опросников с личностными

*Таблица 6
Table 6*

Соотносительная норма уровней патриотичности личности студента

Диапазон значений	Уровень развития патриотичности
70–199	Низкий уровень патриотичности (неконструктивный)
200–549	Достаточный уровень (комформный)
550–700	Высокий уровень патриотичности (конструктивный)

качествами студентов при использовании стандартизированных психодиагностических тестовых методик.

Проведенное теоретико-экспериментальное исследование позволило наметить программу разработки модели патриотичности личности студента, на основе представления данного качества как свойства подструктуры направленности личности по отношению к стране, обществу, семье, себе, труду и будущей профессиональной деятельности. Патриотичность личности понимается как ощущение личностью своего вхождения в национально-государственное единство, выполняющее идентификационную функцию и представленное в отношении, т. е. эмоциональной стороне данного вхождения, осознании, т.е. понимании этой идентификации как ценности, а также на поведенческом уровне в отстаивании социальных действий, объединяющих членов общества;

1. По мнению студентов, быть патриотом, это значит в первую очередь с позиции духовно-нравственного и военно-патриотического воспитания:

- интересоваться культурой, обычаями и традициями различных народов страны;
- критично оценивать ситуацию в стране и стремиться к ее изменению для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее;
- быть готовым встать с оружием на защиту своей страны в случае угрожающей ей и ее народу опасности.

2. Основой формирования национальной российской государственной идентичности у населения страны является смена парадигмальных представлений об организации воспитания в семье, дошкольных учреждениях, школе и вузе. Переход от догм административно навязанного компетентностного подхода Болонской декларации,

сводящей на нет ценность патриотических установок россиян к традиционным патриотическим ценностям российского образования, может стать отправным пунктом формирования у студенческой молодежи национальной российской государственной идентичности.

3. В процессе формирования патриотичности личности необходимо учитывать и целенаправленно использовать патриотические установки студентов. По их реальному проявлению, по конкретным действиям и поступкам, убеждениям, жизненным позициям, взглядам, оценивается уровень гражданско-патриотического и военно-патриотического воспитания. Необходимо развивать у студентов такие мировоззренческие установки, как осознание своего места в жизни, формировать чувство долга служения Отечеству и готовность выполнить свой священный долг по защите Родины.

4. По нашему мнению, основой гражданско-патриотического и военно-патриотического воспитания подрастающего поколения может стать конституционная реформа, в которой патриотизм должен иметь статус государственной идеологии, а священный долг по защите Родины должен касаться всех без исключения граждан призывного возраста, при этом всеобщая воинская обязанность должна касаться как юношей, так и девушек.

5. В современных условиях значительно возрастает роль государства в обосновании и формулировании национальной идеи на конституционном уровне российской идеологии для использования полноценных оснований национально-государственной идентичности с позиций социальной, экономической и политической психологии.

Список источников

1. Дубровин В. Л. Патриотизм как ценность в российском обществе: социально-ресурсное влияние // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. Т. 163, № 3. С. 116–122.
2. Зверев В. О., Морозов А. А. Патриотизм как нравственная ценность в политике России и в социальных концепциях религиозных объединений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. Т. 60, № 1. С. 67–70.
3. Кипреев С. Н. Полиция против Хэллоуина: противодействие угрозам национальной безопасности и защита традиционной культуры // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28, № 3. С. 603–612. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-603-612>.

4. Лебедев А. Н., Гордякова О. В. Теоретические и методологические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально ориентированного поведения // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1, № 1. С. 23–40.
5. Печников А. Н. Анализ подходов к исследованию свойства патриотизма военнослужащих на основе данных теории именования // Современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : Материалы научно-методической конференции (Петергоф, 26 января 2024 г.). Петергоф: Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева, 2024. С. 71–79.
6. Прокопюк О. Н. Появление праздника Хэллоуин в России и его влияние на подрастающее поколение // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2017. № 6. С. 158–164.
7. Спасенников В. В., Голубева Г. Ф. Политико-психологические проблемы формирования и оценки национально-государственной идентичности молодежи // *Universum: психология и образование*. 2016. Т. 30, № 12. С. 25–28.
8. Спасенников В. В. Социодизайн преемственности поколений: теоретико-экспериментальный подход // *Эргодизайн*. 2021. Т. 11, № 1. С. 15–26. DOI: <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2021-1-15-26>.
9. Шулгина Т. А., Кетова Н. А., Непочатых Е. П. К вопросу о гражданской идентичности и патриотических установках современной российской молодежи // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018. Т. 56, № 12. С. 20–28. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2018.12.2>.

References

1. Dubrovin VL. Patriotism as a value in Russian society: social and resource influence. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies]. 2015; 3(163):116-122. (In Russ.).
2. Zverev VO, Morozov AA. Patriotism as a moral value in Russian politics and in social concepts of religious associations. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in law enforcement agencies]. 2015;1(60): 67-70. (In Russ.).
3. Kipreev SN. Police against turnout: countering threats to national security and protecting traditional culture. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities]. 2023;3(28):603-612. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-603-612>. (In Russ.).
4. Lebedev AN, Gordyakova OV. Theoretical and methodological issues of studying patriotism as a social feeling and socially oriented behavior. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology]. 2016;1(1):23-40. (In Russ.).
5. Pechnikov AN. Analysis of approaches to the study of the properties of patriotism of military personnel based on data from the theory of naming. *Sovremennoye obrazovaniye: aktual'nyye voprosy, dostizheniya i innovatsii* [Modern education: current issues, achievements and innovations] : Materials of a scientific and methodological conference (Peterhof, January 26, 2024). Peterhof: Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Khruleva, 2024:71-79. (In Russ.).
6. Prokopyuk ON. The emergence of the Halloween holiday in Russia and its influence on the younger generation. *Trudy Belgorodskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii (s missionerskoy napravlennoy yu)* [Proceedings of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary orientation)]. 2017;(6):58-164. (In Russ.).
7. Spasennikov VV, Golubeva GF. Political and psychological problems of the formation and assessment of the national-state identity of youth. *Universum: psikhologiya i obrazovaniye* [Universum: psychology and education]. 2016;12(30):25-28. (In Russ.).
8. Spasennikov VV. Sociodesign of generational continuity: a theoretical-experimental approach. *Ergodizayn* [Ergodesign]. 2021;1(11):15-26. DOI: <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2021-1-15-26>. (In Russ.).
9. Shulgina TA, Ketova NA, Nepochatykh EP. On the issue of civil identity and patriotic attitudes of modern Russian youth. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. 2018;12(56):20-28. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2018.12.2>. (In Russ.).

Информация об авторе

В. В. Спасенников — доктор психологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин.

Information about the author

V. V. Spasennikov — Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Humanities and Social Disciplines.

---

*Статья поступила в редакцию 05.10.2024;
принята к публикации 10.11.2024.*

*The article was submitted 05.10.2024;
accepted for publication 10.11.2024.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК159.9

doi: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-48-62

УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ ГОРОДСКОЙ И ПРИРОДНОЙ СРЕДОЙ ЧЕЛЯБИНСКА: РЕЗУЛЬТАТЫ КАЧЕСТВЕННО-КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Александра Андреевна Иванова^{1✉}, Екатерина Вячеславовна Забелина²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, privanovalexandra@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1115-2256

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, katya_k@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2365-6016

Аннотация. В исследованиях проблемы удовлетворенности жизнью в городе используется разнообразная методология, начиная от одиночных вопросов до больших списков, рассматривающих разные характеристики среды проживания. Цель настоящего исследования — с помощью количественно-качественного анализа определить, какие характеристики городской среды надёжно отражают фактор удовлетворенности ею и насколько социально-демографические показатели взаимосвязаны с такими оценками. Результаты конфирматорного факторного анализа на выборке Челябинска (N=313) ($\chi^2/df = 3,26$ (137/42), $p < 0,001$; TLI = 0,93, CFI = 0,947; RMSEA = 0,085 (90 % CI от 0,069 до 0,1), SRMR = 0,055) подтвердили существование двух латентных переменных: удовлетворённость городской средой ($\alpha = 0.87$, M = 5.5, SD = 1.8) и удовлетворённость природной средой – экологией ($\alpha = 0.86$, M = 3.1, SD = 2.2). С увеличением возраста и уровня образования отмечается большая неудовлетворённость экологической ситуацией, а с возрастанием длительности проживания усиливается негативная оценка как природной, так и городской среды. Напротив, с возрастанием уровня доходов увеличивается удовлетворённость городом и его отдельными характеристиками. Выявлено, что опрошенные жители в очень малой степени удовлетворены или совсем не удовлетворены населенным пунктом в целом, и его отдельными характеристиками: уровнем образования, безопасности и благоустройства, количеством и разнообразием мест отдыха, карьерными возможностями, ценами на продукты, доступностью жилья и качеством медицинского обслуживания. При этом респонденты скорее не удовлетворены состоянием природной среды (экологией, качеством воды и воздуха). По результатам качественного анализа, наиболее проблемными вопросами в городе являются «Экология» (n = 236, 81,7 %) и «Транспортная инфраструктура» (n = 96, 33,2 %). Далее следуют категории «Благоустройство» (n = 70, 24,2 %) и «Образование и медицина» (n = 30, 10,4 %). Обсуждаются возможности применения полученных данных для будущих исследований удовлетворённости населённым пунктом.

Ключевые слова: удовлетворённость населенным пунктом, удовлетворённость городской средой, удовлетворённость экологией, удовлетворённость уровнем жизни, Челябинск

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 23-28-10153, <https://rscf.ru/project/23-28-10153/>.

Для цитирования: Иванова А. А., Забелина Е. В. Удовлетворённость городской и природной средой Челябинска: результаты качественно-количественного анализа // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2024. № 3 (27). С. 48–62. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-48-62. (in Russ.).

Original article

SATISFACTION WITH THE URBAN AND NATURAL ENVIRONMENT OF CHELYABINSK: RESULTS OF QUALITATIVE-QUANTITATIVE ANALYSIS

Alexandra A. Ivanova¹✉, Ekaterina V. Zabelina²

¹National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia, privanovalexandra@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1115-2256

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, katya_k@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2365-6016

Abstract. The study of satisfaction with urban environments utilizes a variety of methodologies, from single-item questions to comprehensive lists that assess different aspects of living conditions. The aim of this quantitative and qualitative research is to determine which characteristics of the urban environment reliably reflect the satisfaction with a settlement and how socio-demographic indicators are associated with these assessments. The results of confirmatory factor analysis on a sample from Chelyabinsk (N=313) ($\chi^2/df = 3.26$ (137/42), $p < 0.001$; TLI = 0.93, CFI = 0.947; RMSEA = 0.085 (90 % CI from 0.069 to 0.1), SRMR = 0.055) confirmed the existence of two latent variables: satisfaction with the urban environment ($\alpha = 0.87$, M = 5.5, SD = 1.8) and satisfaction with the natural environment or ecological conditions ($\alpha = 0.86$, M = 3.1, SD = 2.2). An increase in age and education level is associated with greater dissatisfaction with the ecological conditions, while longer residence leads to a more negative assessment of both the natural and urban environments. Conversely, those with higher incomes are more satisfied with the urban environment and its individual characteristics. The respondents were found to be only slightly satisfied or dissatisfied with the city overall and its specific characteristics: education level, safety, infrastructure, availability and variety of recreational spaces, career opportunities, food prices, housing accessibility, and quality of healthcare. At the same time, we found a manifested dissatisfaction with the state of the natural environment (ecology, water, and air quality). According to the qualitative analysis, the most problematic issues in the region are «Ecology» (n = 236, 81.7 %) and «Transport Infrastructure» (n = 96, 33.2 %). These are followed by the categories «City Infrastructure» (n = 70, 24.2 %) and public services «Education and Medicine» (n = 30, 10.4 %). The possibilities of applying these results to future studies of urban satisfaction are discussed.

Keywords: settlement satisfaction, urban satisfaction, environmental satisfaction, life satisfaction, Chelyabinsk

Funding. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-10153, <https://rscf.ru/project/23-28-10153/>.

For citation: Ivanova AA, Zabelina EV. Satisfaction with the urban and natural environment of Chelyabinsk: results of qualitative-quantitative analysis. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2024. № 3 (27). С. 48-62. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-48-62.

Введение

Урбанизация населения – продолжающийся современный тренд, ярко проявляющийся на территории Российской Федерации. Исследователи отмечают плюсы и минусы жизни в городе для психологического состояния человека и его благополучия [19]. С одной стороны, жизнь в городе, особенно в мегаполисе, дает разнообразные образовательные и карьерные возможности, расширенные социальные связи, доступ к большому количеству культурных мероприятий, сервисов и услуг, включая увеличенную мобильность граждан за счёт общественного транспорта [18]. С другой стороны, городская среда выступает источником стресса, зарегистрированного даже на уровне мозговой активности, по сравнению с природными пространствами, поскольку формирует высокую когнитивную нагрузку и активирует нейронные связи, связанные с высоким напряжением [16]. Таким образом, городская среда оказывает значи-

тельное влияние на человека, а ее комфорт может выступать важным фактором для формирования психологического благополучия ее жителей.

Комфорт городской среды может исследоваться объективными методами, например, измерением экологических и экономических параметров населенного пункта. Однако, такие показатели не учитывают мнения граждан о городе и мало говорят об отношении к окружающей действительности. В социальных науках городская среда может оцениваться с точки зрения удовлетворенности ею жителями, то есть как совокупность субъективных мнений о различных аспектах и качестве городской жизни. Удовлетворённость городом важна не только для психологического благополучия и счастья его жителей [20], но для государственного развития, так как комфортная городская среда может влиять на отток жителей из города. Так, например, в Комсомольске-на-Амуре молодые люди с выраженным желанием покинуть регион,

имели значимо меньшую удовлетворённость жизнью в городе и экономической ситуацией, состоянием природной среды, социальной обстановкой и уровнем безопасности [2].

Исследования удовлетворенности городской среды активно проводятся в России. Нами были обнаружены работы, изучающие Москву [5] и Санкт-Петербург [13], Казань [10] и другие города в республике Татарстан [15], Красноярск [9], Самару [1], Пермь [14], Саранск [12], Белгород [4], Вологду и Череповец [11], Комсомольск-на-Амуре [2], Тольятти [8], Егорьевск [6] и шесть административных центров Уральского федерального округа — Тюмень, Екатеринбург, Курган, Челябинск, Салехард и Ханты-Мансийск [3]. Представленные исследования применяют разнообразную методологию исследования удовлетворенности. В анкетах используются, как один или несколько вопросов об удовлетворенности городской средой, так и большие списки с разными категориями общественных благ. Однако, эти работы скорее применяют социологический подход и описательную статистику, оставляя за скобками, насколько эти списки вопросов согласованно показывают удовлетворенность городом. Таким образом, целью нашего исследования, становится изучение того, насколько разные характеристики городской среды надежно отражают фактор удовлетворенности ею. Для этого была сформирована гипотеза о том, что разные виды удовлетворенности городской средой исследуют единый латентный конструкт (H1).

Для исследования удовлетворенности городской средой нами был выбран город Челябинск — крупный промышленный центр, играющий важнейшую роль в экономике страны. Мы посчитали, что исследований, детально рассматривающих городскую среду в Челябинске, недостаточно, а восполнение такого пробела с добавлением актуальных данных может дать государственным органам и крупному бизнесу представление о том, как улучшить среду так, чтобы повысить привлекательность города для ее жителей, помочь сохранить человеческий капитал и привлечь его для дальнейшего развития области. Поскольку Челябинская область считается одной из самых экологически неблагоприятных в России¹, и экологическая ситуация в городе представляется важнейшей для оценки городской среды [15], нами было

¹ <https://greenpatrol.ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga>

принято решение включить в анкету вопросы, касающиеся удовлетворенности экологией, качеством воды и воздуха, так как мы предполагаем, что они также отражают удовлетворенность городом (H2).

Одним из важных вопросов при исследовании удовлетворенности городской средой считается «парадокс города» (от англ. urbanparadox). Он описывает неравномерное распределение доступа к общественным благам, то есть, хотя жители больших городов в среднем имеют лучший доступ к услугам и возможностям, чем проживающие в малых населенных пунктах, значительная часть населения не имеет легкого доступа к ним. Например, было обнаружено, что удовлетворенность жизнью в городах сильно зависит от социально-демографических характеристик жителей, таких как возраст, доход, образование и социальный статус [18]. Молодые, высокообразованные и обеспеченные люди чаще оценивают города как хорошие места для жизни, поскольку они могут пользоваться широкими возможностями для работы, образования и культурного досуга [18]. В то же время, люди с низким доходом, старшее поколение и те, кто живет в неблагоприятных районах, испытывают меньше удовлетворенности городской жизнью, сталкиваясь с проблемами доступа к услугам и низким качеством окружающей среды [18]. Таким образом, еще одной целью данного исследования является изучение связи восприятия городской среды с социально-демографическими факторами. Мы предполагаем, что высокообразованные, обеспеченные и молодые люди чаще будут удовлетворены жизнью в Челябинске, чем группы, противоположные этим характеристикам (H3).

Методы

Онлайн-опрос, не предполагающий вознаграждение за участие, был проведен на доступной выборке жителей Челябинска с мая 2023 г. по май 2024 г. В начале опроса респонденты электронно подтвердили свое согласие принять участие в исследовании. Удовлетворенность характеристиками окружающей среды исследовалась с помощью 12-и вопросов, подготовленных авторами исследования. Респондентов просили отметить насколько они удовлетворены населенным пунктом в целом, а затем экологией, уровнем образования, уровнем безопасности, доступностью жилья, карьерными возможностями, ценами

на продукты, уровнем благоустройства (комфорт и состояние городской среды), качеством медицинского обслуживания, количеством и разнообразием мест отдыха, качеством воздуха, качеством воды (в порядке предъявления) по шкале Ликерта от 1 (совершенно не удовлетворен) до 10 (полностью удовлетворен). В связи с поисковым характером исследования респондентов также просили ответить на открытый вопрос обязательный вопрос «Какие проблемы Вы считаете наиболее важными для Челябинской области? Можете назвать до пяти проблем». Помимо этого, в опросе были представлены другие шкалы, большинство из которых не будут обсуждаться в рамках данного исследования, ознакомиться с ними можно в работах авторов¹. В конце опроса респондентов попросили предоставить социально-демографическую информацию, а конкретно пол, возраст, уровень образования, место жительства и продолжительность проживания, материальное положение.

Выборка

После исключения респондентов по месту проживания вне города Челябинск и по отсутствию стандартного отклонения по вопросам удовлетворённости средой, финальная выборка исследования включала в себя 313 респондентов в возрасте от 18 лет до 64 года (M возраст = 29; SD возраст = 11), из которых 225 женщин (72 %) и 88 мужчин (28 %). Почти половина респондентов

(n = 144, 46 %) всю жизнь прожили в Челябинске, и еще 28 % (n = 88) переехали в город более пяти лет назад, остальные 26 % (n = 81) стали жителями города менее пяти лет назад (менее года n = 12, 3,8 %, 1–3 года n = 45, 14,4 %, 3–5 лет n = 24, 7,7 %). По уровню образования были получены следующие данные: неполное среднее (n = 6, 1,9 %), среднее (n = 45, 14,4 %), среднее специальное (n = 24, 7,7 %), незаконченное высшее (n = 80, 25,6 %), высшее (n = 113, 36,1 %) и несколько высших (n = 45, 14,4 %). По уровню дохода 84 % респондентов отметили средний достаток, который включает в себя ответы — «хватает денег на еду и одежду» (n = 142, 45,4 %) и «могу без проблем купить мебель и бытовую технику» (n = 121, 38,7 %), а около остальных отмечали более низкое (n = 33, 10,5 %) и высокое (n = 17, 5,4 %) материальное положение.

Результаты

Для уточнения статистических процедур, которые могут быть использованы на представленном наборе данных, нами были проведены тесты Колмогорова-Смирнова и Шапиро-Уилка (все $p < ,001$). Несмотря на то, что эти тесты показали значимый результат, показатели асимметрии (|0,9|) и эксцесса (|0,65|) можно считать приемлемыми для того, чтобы в дальнейшем по мере необходимости использовать процедуры для анализа параметрических данных.

По описательной статистике (табл. 1) видно, что опрошенные жители Челябинска в малой

¹ <https://rscf.ru/project/23-28-10153/>

Таблица 1
Table 1

Описательная статистика

Удовлетворённость	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана
Уровнем образования	6,2	2,2	6
Населенным пунктом в целом	6,0	1,9	6
Количеством и разнообразием мест отдыха	5,7	2,5	6
Уровнем благоустройства (комфорт и состояние городской среды)	5,6	2,3	6
Уровнем безопасности	5,6	2,2	5
Карьерными возможностями	5,5	2,5	5
Ценами на продукты	5,2	2,5	5
Доступностью жилья	5,2	2,6	5
Качеством медицинского обслуживания	4,9	2,4	5
Качеством воды	3,6	2,7	3
Экологией	2,9	2,4	3
Качеством воздуха	2,7	2,5	2

степени удовлетворены населённым пунктом в целом, уровнем образования, количеством и разнообразием мест отдыха, уровнем благоустройства. Нейтральное отношение отмечают для удовлетворенности уровнем безопасности, карьерными возможностями, ценами на продукты, доступностью жилья, качеством медицинского обслуживания. Вопросами, которые касаются природной среды (экологией, качеством воды и воздуха), респонденты скорее не удовлетворены. Общая оценка населенного пункта связана линейно со всеми вопросами о характеристиках среды (все $p < ,001$), с удовлетворённостью уровнем благоустройства ($r = ,57$), местами отдыха ($r = ,54$), экологией ($r = ,53$), уровнем безопасности ($r = ,52$), качеством воздуха ($r = ,51$), уровнем образования ($r = ,51$), карьерными возможностями ($r = ,47$), качеством воды ($r = ,42$), ценами на продукты ($r = ,41$) и чуть в меньшей степени качеством медицинского обслуживания ($r = ,37$) и доступностью жилья ($r = ,36$). При рассмотрении корреляционной матрицы для исследованных параметров среды между собой (табл. 2) даже с применением поправки на множественные сравнения методом Бенджамини-Хохберга ($\alpha=0,05$) все характеристики считаются значимо взаимосвязанными (все $p < ,000005$). Наибольшим образом между собой коррелируют вопросы об удовлетворенности экологией и качеством воздуха ($r = ,85$), хотя и связи между этими переменными и качеством воды, тоже можно назвать высокими ($r > ,53$). Другие переменные

(табл. 2), которые сильно положительно взаимосвязаны (при $r > ,5$), — уровень образования и безопасности, которые в свою очередь также коррелируют с карьерными возможностями. Удовлетворённость карьерными перспективами имеет наибольшее количество сильных связей, коррелируя ещё с доступностью жилья и с количеством и разнообразием мест отдыха. Также уровень благоустройства, описанный как комфорт и состояние городской среды, связан удовлетворённостью количеством и разнообразием мест отдыха и качеством медицинского обслуживания. Помимо этого, стоит отметить положительную взаимосвязь удовлетворенности доступностью жилья и ценами на продукты.

Для того, чтобы проверить структуру данных и убедиться в том, что все пункты измеряют один латентный фактор — удовлетворённость населённым пунктом, был проведен анализ главных компонент (табл. 3). Предварительные тесты подтвердили пригодность данных для применения этого анализа (тест Бартлетта $p < ,001$). Две выявленные компоненты объясняли достаточную долю дисперсии $KMO = 0,88$. По результатам анализа видно, что вопросы о природной среде формируют отдельную компоненту, с которой также связана удовлетворённость уровнем благоустройства (комфорт и состояние городской среды). При этом все остальные исследованные характеристики образуют другой латентный фактор – удовлетворённость городской средой.

Таблица 2

Table 2

Корреляционная матрица между пунктами удовлетворенности средой

Удовлетворённость	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Уровнем образования		,54	,37	,51	,39	,42	,42	,41	,33	,3	,29
Уровнем безопасности	,54		,48	,5	,44	,46	,38	,41	,42	,42	,4
Доступностью жилья	,37	,48		,51	,62	,33	,41	,36	,32	,32	,28
Карьерными возможностями	,51	,5	,51		,48	,44	,44	,53	,29	,27	,26
Ценами на продукты	,39	,44	,62	,48		,45	,49	,38	,32	,37	,27
Уровнем благоустройства	,42	,46	,33	,44	,45		,51	,57	,48	,39	,44
Качеством медицинского обслуживания	,42	,38	,41	,44	,49	,51		,44	,31	,34	,26
Количеством и разнообразием мест отдыха	,41	,41	,36	,53	,38	,57	,44		,42	,39	,35
Качеством воздуха	,33	,42	,32	,29	,32	,48	,31	,42		,64	,85
Качеством воды	,3	,42	,32	,27	,37	,39	,34	,39	,64		,53
Экологией	,29	,4	,28	,26	,27	,44	,26	,35	,85	,53	

Примечания. Жирным выделены показатели корреляции Спирмена $r > ,5$. Все $p < ,000005$.

Анализ главных компонент удовлетворенности средой

Удовлетворённость	Компоненты		Уникальная дисперсия
	1	2	
Карьерными возможностями	0,910		0,347
Ценами на продукты	0,819		0,414
Доступностью жилья	0,782		0,464
Уровнем образования	0,723		0,474
Качеством медицинского обслуживания	0,722		0,486
Количеством и разнообразием мест отдыха	0,635		0,481
Уровнем безопасности	0,601		0,446
Уровнем благоустройства	0,507	0,326	0,443
Экологией		0,987	0,161
Качеством воздуха		0,986	0,103
Качеством воды		0,741	0,392

Примечания. Было использовано вращение «промакс».

Для подтверждения разделенной структуры данных об удовлетворенности средой на городскую и природную был проведен подтверждающий факторный анализ. Модель продемонстрировала приемлемые показатели соответствия данным ($\chi^2/df = 4$ (173/43), $p < 0,001$; TLI = 0,9, CFI = 0,927; RMSEA = 0,098 (90 % CI от 0,083 до 0,114), SRMR = 0,059), которые можно улучшить на основании модификационных индексов при добавлении взаимосвязи между необъясненной фактором городской среды дисперсией для вопросов о ценах на продукты и доступности жилья ($r = ,36$). Хотя модель и была улучшена незначительно, её показатели (все $p < ,001$) хорошо соответствовали эмпирическим данным: $\chi^2/df = 3,26$ (137/42), $p < 0,001$; TLI = 0,93, CFI = 0,947; RMSEA = 0,085 (90 % CI от 0,069 до 0,1), SRMR = 0,055) (рис. 1). Таким образом, можно констатировать, что представленные вопросы содержат в себе две разные латентные переменные с высокой внутренней согласованностью – удовлетворённость городской средой ($\alpha = 0,87$, $M = 5,5$, $SD = 1,8$) и экологией или природной средой ($\alpha = 0,86$, $M = 3,1$, $SD = 2,2$), которые значимо коррелируют между ($r = ,6$). Таким образом, гипотеза 1 о том, что разные виды удовлетворенности городской средой исследуют единый конструкт подтверждается, а вторая гипотеза, рассматривающая удовлетворённость экологией, качеством воды и воздуха как удовлетворённость городом может быть отклонена.

Среди социально-демографических характеристик, по результатам корреляционного анализа Спирмена, удовлетворённость природной средой отрицательно связана с возрастом ($r = -,14$, $p = ,011$) и уровнем образования ($r = -,15$, $p = ,007$). Среди вопросов, составляющих этот фактор, качество воды не связано с характеристиками респондентов, но с увеличением возраста и образования респонденты более негативно оценивают экологию ($r = -,16$, $p = ,005$ и $r = -,16$, $p = ,004$) и качество воздуха ($r = -,18$, $p = ,001$ и $r = -,17$, $p = ,003$). Уровень образования еще был негативно связан с оценкой комфорта и состояния городской среды (благоустройство $r = -,17$, $p = ,003$). Напротив, удовлетворённость качеством городской среды положительно связана с доходом ($r = ,2$, $p < ,001$). Эта положительная связь обосновывается вкладом в переменную значений удовлетворенности ценами на продукты ($r = ,26$, $p < ,001$), доступностью жилья ($r = ,2$, $p < ,001$), качеством медицинского обслуживания ($r = ,15$, $p < ,001$), карьерными возможностями ($r = ,14$, $p = ,011$) и количеством и разнообразием мест отдыха ($r = ,12$, $p = ,033$). При этом необходимо учесть, что при применении поправки методом Бенджамини-Хохберга ($\alpha = 0,05$) корреляции, где p больше 0,02, считаются недостоверно значимыми. Чем дольше респонденты проживают в Челябинске, тем меньше они удовлетворены качеством городской среды ($r = -,18$, $p = ,001$), в том числе уровнем благоустройства ($r = -,22$, $p < ,001$),

Рис. 1. Конфирматорный факторный анализ вопросов об удовлетворенности
 Figure 1. Confirmatory factor analysis of satisfaction questions

карьерными возможностями ($r = -.15$, $p = .01$), ценами на продукты ($r = -.14$, $p = .01$), местами отдыха ($r = -.14$, $p = .017$), и на уровне тенденции качеством медицинского обслуживания ($r = -.13$, $p = .02$) и безопасностью ($r = -.13$, $p = .03$). Также на уровне тенденции наблюдается негативная связь между удовлетворённостью природной средой и продолжительностью проживания ($r = -.11$, $p = .05$), в то время как экологию ($r = -.21$, $p < .001$) и качество воздуха ($r = -.18$, $p = .001$) достоверно значимо ниже оценивают те, кто длительное время живет в Челябинске. Женщины достоверно меньше удовлетворены качеством воды, чем мужчины ($z = 2,45$, $p = .019$), однако, это единственная переменная, для которой пол имеет значение. Таким образом, гипотеза о том, что высокообразованные, обеспеченные и молодые люди будут больше удовлетворены жизнью в Челябинске, может быть частично принята из-за фрагментарных связей с некоторыми характеристиками среды (H3).

Далее был проведен тематический анализ для определения основных сфер недовольства регионом среди жителей Челябинска на основе рекомендаций, предложенных Брауном и Кларком [17]. В анализе использовался в основном дедук-

тивный подход, при котором один исследователь вручную считывал все ответы респондентов, выделяя все темы, упомянутые одним респондентом и отмечая любые спорные предложения для дальнейшего обсуждения с коллегами. Сначала все вопросы об удовлетворенности средой служили кодами для присвоения значений в тематическом анализе. Однако, после первичного ознакомления с данными было принято решение разные виды удовлетворенности природной средой объединить в один код, связанный с экологией, поскольку респонденты именно таким образом в основном обозначали проблему (наиболее часто встречающимся словом в ответах была экология, которую упомянули 179 раз). Затем по мере кодирования ответов в изначально заданные категории были добавлены новые темы: «Дороги», «Общественный транспорт», «Эстетический образ города», «Коммунальные службы», «Государственное управление», «Особенности местных жителей», «Сельское хозяйство», «Миграция». Помимо вопросов об экологии, после первичного анализа некоторые коды были преобразованы в более общие темы, поскольку респонденты периодически обозначали не конкретные, а более общие проблемы, примерно соответствующую выделенным

названиям: «Транспортная инфраструктура», «Экономические проблемы», «Благоустройство», «Образование и медицина». У кодировщика возникли 19 вопросов к фрагментам ответов респондентов, которые он не смог отнести к определенным категориям. После коллегиального обсуждения 12 из них были кодированы, а представленные 7 были исключены из дальнейшего анализа: «ограничения в возможностях (провинция)», «развитие региона», «демография», «утечка мозгов», «удалённое расположение», «хорошее питание», «отсутствие контроля и штрафов за курение на общественных территориях и на улице».

Для каждого респондента было выделено от 0 до 10 кодов, хотя в среднем у одного участника встречалось 1.93 кода ($sd = 1,28$, мода = 1). Из 313 проанализированных ответов 7,7 % респондентов ($n = 24$) не захотели отвечать на вопрос или отметили, что не видят проблем в области. Далее в форме контент-анализа будут приведены категории по степени убывания в их упоминании с процентом частоты встречи от ответивших 289 респондентов:

Категория «Экология» упоминалась большинством респондентов ($n = 236$, 81,7%) и в 72 % ответов ($n = 208$) она указывалась в первую очередь. Зачастую люди обозначали проблему региона именно этим словом. Помимо этого, в категорию входили проблемы, связанные с загрязнением воздуха, воды, почвы, вывозом и переработкой мусора, выбросами и заводами, а также с климатом и засухой.

«Транспортная инфраструктура» ($n = 96$, 33,2 %) — вторая по упоминанию категория, которая во многом состояла из проблем с дорогами, их загруженностью и качеством ($n = 54$, 18,7 %), а также трудностями с общественным транспортом ($n = 27$, 9,3 %). Она зачастую упоминалась после экологии, а 12 % ответивших ставили её на первое место ($n = 35$). Совместно с предыдущей категорией респонденты первым упоминанием обозначали эти проблемы в 84 % случаев ($n = 243$).

Примерно также часто, как и недовольство транспортом, респонденты отмечают «Экономические проблемы» в регионе ($n = 87$, 30,1 %). Наибольшей здесь стала категория «Карьера и заработок» ($n = 61$, 21,1 %), включающая низкий уровень жизни и заработной платы, отсутствие рабочих мест и перспектив, примерно соответствующая вопросу об удовлетворенности карьерными возможностями в опросе. Помимо этого, респон-

денты отмечали проблемы, связанные с ростом инфляции, налогами и высокими ценами, в том числе на ЖКХ, только единожды отметив непосредственно продовольственные продукты (код «Цены», $n = 10$, 3,2 %), а также вопросы дороговизны недвижимости и невозможности взять ипотеку (код «Доступность жилья», $n = 7$, 2,4 %). Помимо этого, к данной категории были отнесены, не упомянутые в этих кодах общие слова об экономике, отсутствии денег у региона и продвижении в бизнесе.

Еще одной распространенной категорией, которая объединила в себя несколько кодов, стало «Благоустройство» ($n = 70$, 24,2 %). В соответствии с количественным вопросом мы операционализировали её как «комфорт и состояние городской среды». Соответственно сюда были включены: плохая инфраструктура и благоустройство города, урбанистика, доступная среда, необустроенность районов, детских площадок, пешеходных зон и мест для прогулок ($n = 51$, 17,6 %). Помимо этого, нами были выделены два дополнительных кода, вошедшие в эту категорию, «Эстетический образ города» ($n = 14$, 4,8 %), где выделялось общее недовольство внешним видом города, а также многоэтажной застройкой, киосками и последствиями вандализма, и «Коммунальные службы» ($n = 5$, 1,7 %), куда были в основном отнесены вопросы недовольства водоснабжением.

Последней объединенной категорией стали вопросы, касающиеся «Образование и медицина» ($n = 30$, 10,4 %), где упоминалось как общее недовольство проблемой, так и ее частные случаи, кодированные как «Медицина» ($n = 15$, 5,2 %) и «Образование» ($n = 11$, 3,8 %).

Из ответивших на открытый вопрос остальные категории были упомянуты респондентами в менее 10 % случаев. Среди категорий, сопоставимых с количественным опросом, встречалась неудовлетворённость «Безопасностью» ($n = 10$, 3,5 %) и «Местами отдыха» ($n = 17$, 5,9 %), куда вошли упоминания о недостаточности или низком уровне культурных и досуговых мероприятий, а также плохое развитие туристической отрасли в регионе, в том числе дороговизна мест для отдыха. Остальные категории были выделены индуктивным методом, где «Особенности местных жителей» ($n = 24$, 8,3 %), то есть низкая культура и образование населения, пессимизм и менталитет жителей, и «Государственное управление» ($n = 22$, 7,6 %), включающее частые упоминания

о коррупции, неэффективном управлении и отсутствии государственных решений, значимых для региона, набрали наибольшее количество упоминаний. Респонденты также изредка упоминали недовольство трудовыми мигрантами (код «Миграция», $n = 9$, 3,1 %) и «Сельским хозяйством» ($n = 3$, 1,0 %).

Обсуждение

По результатам исследования видно, что все изученные характеристики городской среды нагружают один латентный фактор, что, однако это не касается пунктов об экологии города. Природная среда выделяется в отдельный фактор, что, скорее всего, связано со схожим характером ответов респондентов. Это подтверждается высокими корреляциями между пунктами об экологии, и общим отличием средних оценок этого вида удовлетворённости от других пунктов, рассматривающих город. Респонденты низко оценивают качество воздуха, воды и экологии в целом, при этом в отличии от обычных опросов, где качество природной среды оценивается одним пунктом, мы ввели три вопроса, паттерн ответов на которые сформировал отдельный латентный фактор. В то же время можно предположить, что экологические параметры могут рассматриваться жителями города больше как региональная оценка, чем оценка города Челябинск. Для того, чтобы проверить это предположение, требуются дополнительные исследования, в том числе сравнение данных от регионов с плохой и хорошей экологической ситуацией. В целом, оценка удовлетворённости экологией в достаточной степени связана с общей оценкой населенного пункта в нашем исследовании, поэтому для дальнейших работ рекомендовано использовать хотя бы один вопрос по удовлетворённости природной средой. В случае включения одного вопроса об удовлетворённости экологией в анкету может быть также обнаружена его нагрузка на единую латентную переменную, поскольку обнаружено, что ответы на все вопросы о населенном пункте значимо взаимосвязаны между собой.

В качественном анализе видно, что экологию называют одной из основных проблем региона более 80 % ответивших, что соотносится с количественными показателями низкой удовлетворённости природной средой. Это подтверждает значимость включения вопроса об удовлетворённости средой в опрос, как минимум в этом регионе.

При этом наблюдается очень высокая корреляция между удовлетворённостью экологией и качеством воздуха, что говорит, скорее всего о том, что сама по себе обобщенная оценка экологической ситуации у респондентов сильно связывается с представлениями о загрязнении воздуха¹. Возможно эта проблема является основной для экологической ситуации в регионе. У жителей города при постоянном столкновении с информацией о плохом качестве воздуха в ассоциативной сети формируется более осязаемая связь между этим экологическим параметром и общей оценкой природной среды. Несмотря на то, что этот тезис сложно оспорить с точки зрения когнитивной науки, в нашем исследовании недостаточно данных, чтобы это утверждать, так как помимо качества воздуха, мы спрашивали только об удовлетворённости водой. В следующих работах на жителях Челябинской области было бы интересно исследовать удовлетворённость другими экологическими факторами, например, состоянием свалок и почвы, наличием зеленых зон, готовностью города к паводкам. С развитием экологической и климатической повестки, с точки зрения городской среды, также актуальным представляется исследовать другие виды удовлетворённости, например, возможностью сдавать вторсырье на переработку или покупать более экологичные товары (без дополнительной упаковки).

Возвращаясь к фактору удовлетворённости городской средой, вопросы о карьерных возможностях, ценах на продукты и доступности жилья наибольшим образом его нагружают, что возможно свидетельствует значимости экономических вопросов для населения. При этом в открытом вопросе мы также видим, что около 30 % ответивших отмечают экономические проблемы в регионе как основные, часто упоминая низкую заработную плату, отсутствие рабочих мест и перспектив. При этом респонденты довольно редко отмечают как проблему непосредственно цены на продукты и доступность жилья. Более того, факторная модель выявила взаимосвязь между необъясненной от фактора городской среды дисперсией для вопросов о ценах на продукты и доступности жилья, то есть их оценки частично связаны между собой и не связаны с удовлетворённостью населённым пунктом. Для этих вопросов очевидна экономическая подоплека, а взаимосвязь их уникальной

¹ <https://mineco.gov74.ru/mineco/other/protectingthe-public.htm>

дисперсии говорит скорее всего о том, что вопрос частично измеряет удовлетворённость экономическим положением человека в городе. Возможно, в дальнейший опросных исследованиях, требуется меньше вопросов, касающихся экономической сферы, например, можно убрать пункт об удовлетворенности ценами на продукты.

Открытый вопрос, который был нацелен на получение дополнительной информации о неудовлетворенности жителей, показал значимую, не учтённую нами в количественном опросе, характеристику городской среды, связанную с использованием личным и общественным транспортом. При этом респонденты упоминают, как проблемы с дорогами, так и с городским транспортом. Для дальнейших исследований об удовлетворенности рекомендуется спрашивать о транспортной инфраструктуре, поскольку зачастую люди используют либо один, либо другой способ передвижения, и, таким образом, эти разные группы респондентов будут учтены в опросе.

В количественных данных оценка благоустройства наибольшим образом связана с удовлетворённостью количеством и разнообразием мест отдыха. В качественном анализе мы видим, что респонденты достаточно часто упоминают проблемы с благоустройством города, а если мы объединим эту категорию с вопросами о местах отдыха, вместе они также часто упоминаются, как экономические и транспортные вопросы. Основной проблемой в качественном анализе для этих категорий можно назвать широкий разброс тем, которые были нами классифицированы в предложенные рамки. Для следующих исследований релевантным кажется проведение качественных интервью для понимания, что имеют в виду респонденты, когда отвечают на вопросы о комфорте, состоянии городской среды, количестве и разнообразии мест отдыха, для возможной корректировки опросных формулировок для правильной операционализации вопросов. Нам кажется важным отдельно выделять удовлетворённость местами отдыха в следующих опросах, подчеркивая значимость рекреационных вопросов для жителей, в том числе культурной программы. По полученным данным можно сказать, что жителям важно, чтобы больше внимания было уделено городской среде, как ее комфорту, так и её эстетической, развлекательной и развивающей составляющим. Возможно, в будущих опросных исследованиях релевантно учитывать не только предложенные нами

стандартизированные вопросы, но и визуальную составляющую, особенно для жителей, которые ассоциируют себя с красотой своего города, так, например, этот пункт оказывался важным при исследовании удовлетворенности и приверженности к историческим районам Санкт-Петербурга [13]. Отдельно хочется подчеркнуть, что застройка новых районов требует особого внимания с точки зрения градостроителей, так как даёт возможность применить современные решения о комфортной городской среде [19], а их визуальный образ может быть эстетически привлекательным, даже с туристической точки зрения.

Категорией, объединённой по результатам анализа открытого вопроса, стало «Образование и медицина». Только 10 % ответивших выделяли эту проблему в регионе, при этом по средним показателям респонденты в малой степени удовлетворены образованием, а оценка качеством медицинского обслуживания еще более низкая. Также респонденты самостоятельно не часто отмечали проблемы с безопасностью, при этом удовлетворённость ею также примерно варьируется от слегка устраивает до слегка не устраивает. Помимо этого, мы получили несколько открытых ответов о том, что опрошенные выражают недовольство трудовыми мигрантами. Возможно, эта категория также отражает ощущение небезопасности, однако, это требует дополнительного качественного исследования. Мы полагаем, что, если перечисленные выше категории не часто выделяют как проблему в ответах в свободной форме, это не значит, что их не надо исследовать в качестве важных пунктов удовлетворенности городом, в том числе на основании их вклада в единый фактор.

Также в открытом вопросе, респонденты редко, но все же упоминали проблемы, которые мы не выделяли количественной методикой, и которые были обозначены как «Особенности местных жителей» и «Государственное управление». Они могут быть важны с точки зрения рассмотрения города как не только физического, но и социального пространства [19]. В других опросах, рассматривающих эти проблемы в России, мы видим, что государственное управление в регионе [3; 11; 14], так же, как и социальная обстановка [2; 13], мало удовлетворяет жителей, что формирует вопрос о необходимости включения этих характеристик в исследования удовлетворенности городом. В целом, проведенная работа, ставит вопрос

необходимости более детального исследования городской среды и создания унифицированного инструментария для достоверного и качественного исследования характеристик, которые можно было бы удобно сравнивать, по результатам опубликованных данных из многочисленных городов страны, в том числе исследуя изменения мнения жителей со временем.

Третья гипотеза нашего исследования подтверждается лишь частично. Чем старше и образованнее люди, чем больше они недовольны состоянием природной среды. В данном случае мы не связываем это с «парадоксом города», представляя, что у обозначенных групп населения нет доступа к хорошей экологической ситуации вокруг. Скорее, здесь можно сказать, что высокообразованные жители, возможно, имеют больший доступ к информации о качестве среды или чаще ей интересуются, и поэтому их оценки удовлетворенности ниже. Более высокая недовольность природной средой у людей старшего поколения можно объяснить тем, что в России с возрастом у людей увеличивается обеспокоенность экологическими проблемами [7]. Соответственно, чем больше люди переживают за экологию, тем хуже они могут оценивать текущую ситуацию. На основании этого важно подчеркнуть потенциал людей в возрасте для муниципальных проектов, которые могут стать хорошими педагогами дополнительного образования и культурных мероприятий, пропагандируя заботу о природе и экологичный образ жизни.

В пользу представлений о «парадоксе города» свидетельствуют данные о том, что с увеличением дохода удовлетворенность качеством городской среды в целом, и ценами на продукты, доступностью жилья, качеством медицинского обслуживания, карьерными возможностями и местами отдыха, в частности, возрастает. Обеспеченные люди могут себе позволить лучшие услуги и условия, чем малоимущие, поэтому их удовлетворенность городом растет, что соотносится с репрезентативным Норвежским исследованием [18]. Важно подчеркнуть, что длительность проживания в Челябинске негативно связана с удовлетворенностью городской и природной средой. Это может быть частично объяснено недовольством управлением в регионе, обнаруженном при анализе открытого вопроса, однако, эта гипотеза требует дополнительной проверки. Также для обнаружения более точных результатов важным кажется набор

выборки, где длительность проживания в городе будет более разнообразной и ответ респондентов будет учтен количественно.

В общем, наши результаты о взаимосвязях социально-демографических характеристик с удовлетворенностью средой, противоречат полученным ранее данным, о том, что такие показатели не зависят друг от друга у жителей административных центров Уральского федерального округа, куда входила также выборка из Челябинска [3]. Автор публикации делает вывод о том, что оценка городских условий зависит не от его характеристик, а от удовлетворенности горожан своим положением в обществе и уровнем жизни, не исследуя непосредственно такую гипотезу. На основании наших данных можно сказать, что удовлетворенность городской средой действительно зависит от материального положения респондентов, однако только частично, то есть в тех вопросах, где наличие денег дает больший доступ к благам. При этом уровень образования, благоустройства, безопасности и оценка экологии не связаны с доходом жителей города, что говорит о том, что удовлетворенность этими показателями может быть связана с объективным состоянием среды, а другие характеристики неравно доступны жителям с разным экономическим статусом.

Полученные результаты об удовлетворенности средой можно назвать низкими, то есть респонденты в малой степени удовлетворены характеристиками города и не удовлетворены экологической ситуацией. При этом делать достоверные выводы об удовлетворенности на доступной выборке, которая больше по соотношению женщин и людей молодого возраста, чем генеральная совокупность, мы не можем, хоть и не ожидаем, что при доборе выборки до репрезентативной получились бы критические иные результаты.

Удовлетворенность населенным пунктом в целом была предъявлена респондентам первым вопросом. При этом ответы на этот вопрос можно назвать более высокими, относительно других показателей удовлетворенности городской средой, что может быть связано с тем, что люди более позитивно оценивают населенный пункт, пока им не напомнят о его конкретных аспектах. Однако это формирует исследовательский вопрос о том, какие городские характеристики респонденты представляют, оценивая место проживания в совокупности. Важно отметить, что в нашем исследовании не была применена рандомизация

предъявляемых характеристик среды, так что первичная оценка населенного пункта могла повлиять на последующие ответы о конкретных характеристиках. Это ограничение необходимо учитывать в дальнейших работах, особенно при разработке унифицированной шкалы удовлетворенности городской средой.

Помимо характеристик выборки и порядка предъявления вопросов еще одним ограничением исследования является формулировка открытого вопроса. Поскольку сбор данных для данной работы был частью большего грантового исследования, реализуемого авторам, в качественном вопросе просили указать основные проблемы в Челябинской области, а не конкретно в городе Челябинск. Тем не менее, мы полагаем, что респонденты отвечали о проблемах, которые важны для них, а соответственно характеристики городского пространства относятся к их месту проживания.

Заключение

Результаты исследования, с одной стороны, расширяют представления об удовлетворенности различными аспектами города Челябинска, а с другой, вносят методологический вклад, углубляя представления о значимых характеристиках среды для формирования более точного измерения удовлетворенности населенным пунктом. Из трех выдвинутых в работе гипотез одна нашла подтверждение, одна была отвергнута и одна —

частично принята. Действительно, разные виды удовлетворенности городской средой изучают единый конструкт, который может быть положен в основу унифицированного опросника. При этом нами были выявлены две разные латентные переменные — удовлетворённость городской средой и удовлетворённость экологией (или природной средой) на выборке данного населённого пункта. Высокообразованные молодые люди более удовлетворены природной средой в Челябинске, чем люди старшего возраста с низким уровнем образования. При этом обеспеченные жители города, более удовлетворены им и его отдельными параметрами, однако, чем выше продолжительность проживания в населенном пункте, тем ниже оценка характеристик среды. Результаты качественного анализа позволили расширить представление о значимых для жителей характеристиках городской среды (например, «Транспортная инфраструктура») и выделить несколько аспектов физического (например, «Эстетический образ города») и социального пространства («Особенности местных жителей» и «Государственное управление»), которые могут быть релевантными для включения в дальнейшие исследования. В целом, работа демонстрирует важность включения вопроса про экологию в мониторинг удовлетворенности населенным пунктом, а также предлагает ряд идей для будущих исследований характеристик среды.

Список источников

1. Ашихмина В. М., Давыдкина Л. В. Удовлетворённость качеством жилой среды в окраинных районах-новостройках (на примере г. Самара) // Вестник магистратуры. 2019. № 11–3 (98). С. 34–36.
2. Бакина А. В., Орлова О. А., Яремчук С. В. Компоненты ценностно-смысловой сферы личности как предикторы миграционных намерений молодежи (на примере г. Комсомольск-на-Амуре) // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 95–113. DOI: 10.17759/sps.2019100208.
3. Батырева М. В., Селезнева Т. А. Удовлетворённость населения условиями жизни в городе как фактор формирования его образа // Russian Economic Bulletin. 2019. Т. 2. № 6. С. 290–296.
4. Боженов С. А. Удовлетворенность населения условиями городской среды: методика оценки и результаты // Трансформация идеи гражданского общества в контексте социальных изменений : сборник статей по материалам первой Международной конференции (Белгород, 30 октября 2014 года). Белгород: ИД «Белгород», 2014. С. 178–184.
5. Горина Е. А., Бурдяк А. Я. Взгляд на качество жизни населения сквозь призму городской среды // Социология города. 2015. № 2. С. 11–31.
6. Заверьяев М., Анисина Е. А. Удовлетворенность качеством и комфортом городской среды (на примере г. Егорьевск) // XI Рязанские социологические чтения: развитие территории в условиях современных вызовов : материалы Национальной научно-практической конференции (Рязань, 14–15 октября 2021 г.). Москва: ООО «Издательство Ипполитова». 2021. С. 294–299.
7. Иванова А. А., Шевель Т. М., Агисова Ф., Патракова Н. А. Шкала экологической обеспокоенности У. Шульца: адаптация и валидизация // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20. № 4. С. 699–717.

8. Лебедева Л. Г., Ростова А. В., Ургалкин Ю. А. Удовлетворенность городской средой как фактор инновационного развития // Вестник Самарского муниципального института управления. 2014. № 3 (30). С. 52–59.
9. Мкртчян А. В. Перспективы развития городской среды и рекреационных зон г. Красноярска // Актуальные вопросы строительства: взгляд в будущее : сборник научных статей по материалам II Всероссийской научно-практической конференции (Красноярск, 18–20 октября 2023 г.). Красноярск: Инженерно-строительный институт ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2023. С. 225–227.
10. Сафина Г. Р., Федорова В. А., Алексеев С. А. Экологические и социальные аспекты качества городской среды г. Казани по мнению горожан // Казанский педагогический журнал. 2017. № 4 (123). С. 171–176.
11. Секушина И. А. Качество городской среды крупных городов Вологодской области // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 4. С. 111–135. DOI 10.15838/ptd.2022.4.120.8.
12. Семина И. А., Фоломейкина Л. Н. Оценка качества городской среды для жизнедеятельности населения и комфортности проживания (город – район – двор) // Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы: сборник материалов Всероссийской научной конференции (Москва, 27–29 ноября 2015 г.). Москва: Географический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2016. С. 253–257.
13. Смолова Л. В. Сравнительный анализ удовлетворённости жилой средой жителей различных районов Санкт-Петербурга (пилотажное исследование) // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2011. Т. 16, № 2. С. 43–47.
14. Стегний В. Н. Удовлетворённость молодёжи различными сторонами городской жизни // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 3. С. 98–108.
15. Федорова В. А., Сафина Г. Р., Алексеев С. А. Качество городской среды глазами миллениалов (на примере городов Республики Татарстан) // Управление устойчивым развитием. 2017. № 4 (11). С. 75–81.
16. Ancora L., Blanco-Mora D. A., Alves I., Bonifácio A., Morgado P., Miranda B. Cities and neuroscience research: Systematic literature review // *Frontiers in Psychiatry*. 2022. Vol. 13 | <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.983352>.
17. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. 2006. Vol. 3. No. 2. P. 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>.
18. Carlsen F., Leknes S. For whom are cities good places to live? // *Regional Studies*. 2022. Vol. 56. No. 12. P. 2177–2190. <https://doi.org/10.1080/00343404.2022.2046724>.
19. Hajrasouliha A., Del Rio V., Francis J. L., Edmonson J. Urban form and mental wellbeing: scoping a theoretical framework for action. // *Journal of Urban Design and Mental Health*. 2018. No. 5. <https://works.bepress.com/hajrasouliha/9/>.
20. Samavati S., Veenhoven R. Happiness in urban environments: what we know and don't know yet. *Journal of Housing and the Built Environment*. 2024. <https://link.springer.com/article/10.1007/s10901-024-10119-4>.

Reference

1. Ashihmina VM, Davydkin LV. Satisfaction with the quality of the residential environment in the new-build suburbs (on the example of Samara). *Vestnik magistratury* [The Magistrate's Journal]. 2019;(11-3(98)):34-36. (In Russ.).
2. Bakina AV, Orlova OA, Yaremchuk SV. Components of value-meaning of the personality as predictors of migration intentions of young people (on the example of city Komsomolsk-na-Amure). *Social'naya psihologiyai obshchestvo* [Social psychology and society]. 2019;2:95-113. DOI: 10.17759/sps.2019100208 (In Russ.).
3. Batyreva M, Selezneva TA. Satisfaction of the population with living conditions in the city as a factor of its image formation. *Russian Economic Bulletin*. 2019;2:290-296.(In Russ.).
4. Bozhenov SA. Satisfaction of the population with the conditions of urban environment: evaluation methodology and results. Transformaciya idei grazhdanskogo obshchestva v kontekste social'nyh izmenenij [Transformation of the idea of civil society in the context of social changes] : a proceedings of the first International Conference (Belgorod, 30 October, 2014). Belgorod: ID «Belgorod». 2014: 178-184. (In Russ.).

5. Gorina EA, Burdyak AA. Looking at the quality of life of the population through the prism of urban environment. *Sociologiya goroda* [Sociology of the city]. 2015;(2):11-31. (In Russ.).

6. Zubayayev M, Anichina E. Satisfaction with quality and comfort of urban environment (on the example of city Egoryevsk). XI Ryazanskie sociologicheskie chteniya: razvitie territorii v usloviyah sovremennykh vyzovov [XI Ryazan sociological readings: development of the territory in the conditions of modern challenges]: materials of the National Scientific-Practical Conference (Ryazan, 14-15 October, 2021). Moscow: «Publishing House Ippolitova» LLC; 2021: 294-299. (In Russ.).

7. Ivanova AA, Shevel TM, Aestiova F, Patrakov NA. Scale of environmental concerns W. Shulz: adaptation and validation. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2023;(20(4):699-717. (In Russ.).

8. Lebedeva LG, Rostova AV, Urgalkin YA. Satisfaction with the urban environment as a factor of innovative development. *Vestnik Samarskogo municipal'nogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Samara Municipal Administration Institute]. 2014;(3(30):52-59. (In Russ.).

9. Mkrtychyan AV. Perspectives of development of urban environment and recreational areas in Krasnoyarsk. Aktual'nye voprosy stroitel'stva: vzglyad v budushchee [Current issues of construction: a look into the future]: collection of scientific articles on materials of the II All-Russia Scientific-Practical Conference (Krasnoyarsk, 18-20 October, 2023). Krasnoyarsk: FGAO Engineering and Construction Institute VO «Siberian Federal University», 2023: 225-227. (In Russ.).

10. Safina GR, Fedorova VA, Alekseev SA. Environmental and social aspects of the quality of urban environment in Kazan city according to townspeople. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal]. 2017;(4(123):171-176. (In Russ.).

11. Sekushin IA. Quality of the urban environment of large cities of Vologda region. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of development of territory]. 2022;26(4):111-135. DOI 10.15838/ptd.2022.4.120.8. (In Russ.).

12. Semina IA, Folomekin LN. Assessment of the quality of urban environment for the life of the population and living comfort (city - district - courtyard). Ocenka kachestva gorodskoj sredy dlya zhiznedeyatel'nosti naseleniyai komfortnosti prozhivaniya (gorod - rajon - dvor) [Mosaic of urban spaces: economic, social, cultural and ecological processes]: Collection of materials from the All-Russian Scientific Conference (Moscow, 27-29 November, 2015). Moscow: Geographical faculty of Moscow State University. MV Lomonosov, 2016: 253-257. (In Russ.).

13. Smolova LV. Comparative analysis of satisfaction with the living environment of residents of different districts of Saint-Petersburg (pilot study). *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psihologii i social'noj raboty* [Scientists' notes of the Saint-Petersburg State Institute of Psychology and Social Work]. 2011;16(2):43-47. (In Russ.).

14. Stegany VN. Satisfaction of youth from various parts of urban life. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences]. 2016;(3):98-108. (In Russ.).

15. Fedorova VA, Safina GR, Alekseev SA. Quality of urban environment through the eyes of millennials (on example of cities of the Republic of Tatarstan). *Upravlenie ustojchivym razvitiem* [Management of sustainable development]. 2017;(4(11):75-81. (In Russ.).

16. Ancora L, Blanco-Mora DA, Alves I. [et al.] Cities and neuroscience research: A systematic literature review. *Frontiers in Psychiatry*. 2022; 13 | <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.983352>.

17. Braun V, Clarke V. Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*. 2006;3(2): 77-101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>.

18. Carlsen F, Leknes S. For whom are cities good places to live? *Regional Studies*. 2022; 56(12): 2177–2190. <https://doi.org/10.1080/00343404.2022.2046724>.

19. Hajrasouliha A, Del Rio V, Francis JL, Edmonson J. Urban form and mental wellbeing: scoping a theoretical framework for action. *Journal of Urban Design and Mental Health*. 2018; 5. <https://works.bepress.com/hajrasouliha/9/>.

20. Samavati S, Veenhoven R. Happiness in urban environments: what we know and don't know yet. *Journal of Housing and the Built Environment*. 2024. <https://link.springer.com/article/10.1007/s10901-024-10119-4>

Информация об авторах

А. А. Иванова — магистр психологических наук, независимый исследователь, приглашённый преподаватель.

Е. В. Забелина — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии.

Information about the authors

A. A. Ivanova — Master of Psychological Sciences, Independent Researcher, Visiting Lecture.

E. V. Zabelina — Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Psychology.

---

*Статья поступила в редакцию 09.10.2024;
принята к публикации 10.11.2024.*

*The article was submitted 09.10.2024; accepted for
publication 10.11.2024.*

Вклад авторов: Иванова А. А. — методология, обработка материала, написание основного текста. Забелина Е. В. — сбор материала, оформление статьи.

Contribution of the authors: Ivanova A.A. — methodology, data analysis, article writing. Zabelina E. V. — data collection, article formatting.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests

Научная статья

УДК614.253.159

doi: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-63-67

ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ КОНФЛИКТОВ ВРАЧ — ПАЦИЕНТ

Любовь Николаевна Семченко

Южно-Уральский государственный медицинский университет, Челябинск, Россия, Luba_sem96@maiul.ru,
ORCID0000-0001-7538-027

Аннотация. В современной России всё чаще возникают конфликты между пациентом, его родственниками и медицинскими работниками. Пациент всё чаще недоволен качеством, доступностью и несвоевременностью оказания медицинской помощи, в связи с чем количество обращений в правоохранительные органы растёт. Как правило, пациенты знают свои права, но не знают либо не хотят знать свои обязанности, одним из которых является уважение права врача. В статье представлен анализ причин конфликтов между медицинскими работниками, пациентами и их родственниками. Основными причинами конфликтов являются невозможность своевременно и качественно получить медицинскую помощь вследствие сокращения стационаров и ставок врачей, отсутствие у врачей знаний по медицинскому праву и неумение применять психологические техники коммуникации с конфликтными пациентами, низкий социальный статус врача, неправильно оформленная первичная медицинская документация, безнаказанность пациентов при причинении физического и морального вреда медицинскому работнику. Кроме того, нет правовой базы, защищающей врача.

Ключевые слова: конфликт, пациент, речевые модули, причины конфликтов, коммуникативные техники, болевое поведение

Для цитирования: Семченко Л. Н. Правовые и психологические аспекты взаимосвязанных конфликтов врач-пациент // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2024. № 3 (27). С. 63–67. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-63-67.

Original article

LEGAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INTERRELATED CLINICIAN — PATIENT CONFLICTS

Lyubov N. Semchenko

South Ural State Medical University, Chelyabinsk, Russia, Luba_sem96@maiul.ru, ORCID0000-0001-7538-027

Abstract. In modern Russia, conflicts between patients, their relatives and medical workers are increasingly common. Patients are increasingly dissatisfied with the quality, availability and untimeliness of medical care, which is why the number of appeals to law enforcement agencies is growing. As a rule, patients know their rights, but do not know or do not want to know their responsibilities, one of which is respect for the doctor's rights. The article presents an analysis of the causes of conflicts between medical workers, patients and their relatives. The main causes of conflicts are the inability to receive timely and high-quality medical care due to the reduction of hospitals and doctor rates, the lack of knowledge of medical law among doctors and the inability to use psychological communication techniques with conflict patients, the low social status of the doctor, incorrectly executed primary medical documentation, impunity of patients when causing physical and moral harm to a medical worker. In addition, there is no legal framework to protect the doctor.

Keywords: conflict, patient, speech modules, causes of conflicts, communication techniques, pain behavior

For citation: Semchenko LN. Legal and psychological aspects of interrelated doctor-patient conflicts. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare.* 2024. № 3 (27). С. 63–67. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-27-3-63-67. (in Russ.).

Введение

Правоотношения, возникающие между медицинским работником и пациентом при оказании последнему медицинской помощи, требуют высокого эмоционального и психологического напряжения, что нередко в современных условиях приводит к конфликтам. В данной ситуации пострадавшей и нуждающейся в защите стороной может быть не только пациент, но и медицинский работник [12].

Конфликты, возникающие в системе здравоохранения, резко отличаются от других конфликтов по своей остроте, сложности и социальной значимости.

Участившиеся случаи конфликтов между пациентом, медицинским работником или медицинской организацией требуют выяснения причин данных конфликтов, устранения или минимизации этих причин и разработки мер профилактики [3; 6].

Умение врача определить начало конфликта, предвидение реакции больного человека на речевые модули медицинского работника позволяют вовремя применить адекватные методы коррекции и защитить врача при враждебном поведении пациента [14]. Бесконфликтный контакт с пациентом, то есть «создание терапевтического сообщества» врач — пациент позволяет достичь максимального эффекта при оказании медицинской помощи пациенту.

Методы исследования

Использован метод анализа публикаций, действующего законодательства в сфере охраны здоровья, защиты чести, достоинства, деловой репутации врачей как граждан Российской Федерации.

Результаты исследования и их обсуждение

Причины конфликтов нужно рассматривать не только между врачом и пациентом, но во взаимосвязи с родственниками пациента, а также в целом с системой здравоохранения [15].

Одной из причин развития конфликта является ухудшение доступности и качества медицинской помощи, что связано с оптимизацией здравоохранения в плане сокращения медицинских организаций и врачебных ставок. Вследствие этого возросла нагрузка на врача, сократилось время приёма пациента, что не может не вызывать негативной реакции пациента [3]. В ситуации цейтнота врачи вынуждены дей-

ствовать быстро, жёстко и не всегда вежливо и деликатно.

Не зная или игнорируя свои обязанности, пациент вступает в контакт с медицинским работником только с позиции своих прав [15].

Немаловажную роль в развитии конфликтов в системе здравоохранения играют средства массовой информации. Публикаций на тему некачественной медицинской помощи становится всё больше, что создаёт в обществе негативное отношение к врачу, к системе здравоохранения в целом и способствует формированию конфликтного поведения пациента и его родственников. Врач рассматривается как субъект, обязанный беспрекословно выполнять все требования пациента [14]. Особенно, если медицинская помощь оказывается на возмездной основе. Работа с платными пациентами повышает загрузку врача в плане оформления необходимой документации и повышенной психологической адаптации [15].

Ответной реакцией врача на неуважительное отношение пациента является нарушение этики и деонтологии, что также приводит к конфликтной ситуации и может иметь серьёзные социальные и юридические последствия. К сожалению, следует констатировать тот факт, что современный врач совершенно не знаком с правилами бесконфликтного поведения, стратегиями и тактиками коммуникации с конфликтными пациентами, не знает медицинского права и, что немаловажно, он законодательно не защищён.

При развитии конфликта врач чаще является пострадавшей стороной, требующей защиты, чем инициатором конфликта [11].

В 2019 году в УК была принята статья, предусматривающая ответственность за воспрепятствование деятельности медицинских работников. Но ответственность наступает только в том случае, если из-за действий нападавшего врач не смог оказать помощь пациенту и его состояние ухудшилось. Таким образом, жизнь и здоровье самого врача эта статья не охраняет, а причинитель вреда остаётся безнаказанным. Безнаказанность агрессивного пациента — это ещё одна причина, позволяющая оскорбить, оклеветать врача, нанести ему телесные повреждения.

Сегодня, к сожалению, нередко встречаются пациенты, целью которых является не столько получение необходимой медицинской помощи, сколько получение социальной и психологической выгоды, возмещения нанесённого врачом, по их

мнению, физического и морального вреда. Личностные особенности пациента, мотивация его на получение выгоды в сочетании с болевым синдромом диктуют врачу необходимость адаптации. Проблемы, связанные с поведением пациента, могут быть решены, если врач обладает психологическими знаниями и умеет применять психологические методики, речевые модули, которые направлены на минимизацию или предотвращение конфликта [1; 4; 5].

К конфликтам приводит и поведение врача, когда он пренебрегает принципами этики и нормами морали в отношении пациентов [13].

Но этические принципы хороши, когда есть возможности и механизм их реализации [18], то есть у врача есть время для общения с пациентом и знание коммуникативных методов и методик.

К сожалению, у современного врача нет ни того, ни другого. Диалоговая культура, включающая вербальные и невербальные средства [17], и коммуникативные качества у врача способствуют формированию эмоциональной устойчивости, тактичности и умению выйти из конфликтной ситуации. В ответ врач получит определённую речевую реакцию от пациента и его родственников. Целесообразно и желательно, чтобы врач распознавал и учитывал ключевые характеристики личности пациента, в соответствии с которыми пациент будет строить свой психологический сценарий общения. Дальнейшее общение должно строиться в зависимости от личности пациента с набором определённых тактик [9].

У конфликтного пациента, как правило, болевое поведение, он защищается и старается обратить на себя более пристальное внимание, получение поддержки и удовлетворения своих потребностей [6; 16]. Если его интересы не удовлетворены, он избирает манипуляционные техники общения и готов к конфликту. Пациент с болевым поведением, как правило, убеждён в собственной беспомощности и ответственность за результат лечения полностью возлагает на врача, постоянно требуя дообследования и справедливости. Для болевой личности характерны слабо выраженная установка на выздоровление. Самостоятельно со своими потребностями и обязанностями такой пациент справиться не может, поэтому пытается убедить окружающих в своём тяжёлом положении, требует восстановления справедливости по отношению к себе и переносит свои обязанности на окружающих [2; 9].

Конфликтные пациенты могут применять различные психологические приёмы, вынуждая врача изменить свою позицию, чтобы получить желаемый для пациента результат [7]. Применяются мимические жесты, демонстративное поведение, намёк, обман [10]. С самого начала беседы врачу необходимо исключить мысль об оскорблении скандального пациента [8].

Улучшить общение врача и пациента в конфликте помогает речевая культура со стороны врача [5]. Следует подчеркнуть, что причиной конфликта может быть неправильно, неполно, недостоверно оформленная документация, отсутствие письменного согласия на выполнение всех врачебных рекомендаций. Хорошей защитой может быть напоминание пациенту о том, что у него есть не только права, но и обязанности, за ненадлежащее выполнение которых он также несёт ответственность. В соответствии с ФЗ от 21.11. 2011 № 323 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» в каждой медицинской организации должны быть разработаны «Правила внутреннего трудового распорядка медицинской организации», которые являются уникальным инструментом для минимизации конфликтов между пациентом, его родственниками и медицинским работником

Заключение

Основной причиной конфликтов в современной системе здравоохранения является ухудшение доступности и своевременности получения пациентом медицинской помощи. Дело усугубляется тем, что у современного врача совершенно отсутствуют знания о медицинском праве, он не владеет навыками бесконфликтного общения, стратегиями и тактиками коммуникации при общении с конфликтными пациентами.

Основой бесконфликтного общения врача и пациента является знание и умение пользоваться источниками медицинского права, знание психологических особенностей пациента, тем более, если у него болевое поведение, хорошая речевая культура врача, владение навыками бесконфликтного общения, знание и умение применять техники коммуникации и коррекции при возникновении конфликта, и, наконец, чёткое и правильное оформление первичной медицинской документации.

Список источников

1. Березина Ф. М. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи // Реферативный журнал 1 Омского государственного университета. 2000. № 3. С. 42–47.
2. Григорьева В. Н. Хроническая боль в спине. Психологические особенности пациентов // Российский журнал боли. 2004. № 3 (4). С. 2–11.
3. Гуренко-Вайцман М. Н., Сугрובה Ю. Ю., Юриста А. В. Проблемы конфликтов. Вопросы этики и деонтологии в социокультурном пространстве современного отечественного здравоохранения // Вопросы медицинской этики и деонтологии. 2017. Т. 20, № 2. С. 202–207.
4. Камалов Л. А. Повседневные коммуникативные театральные техники в конфликтной ситуации // Вестник МГЛУ: Гуманитарные науки. 2010. № 580. С. 242–254.
5. Кириллова Н. Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // Вестник НГТУ им Р. Е. Алексеева. Серия: управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2012. № 1. С. 26–33.
6. Новикова С. Г. Конфликтный больной на врачебном приеме, как решить возникшие проблемы // Хирургическая практика. 2019. № 1 (37). С. 48–57.
7. Одинцова М. А. Функциональный аспект манипуляций в поведении индивида с установкой «жертвы» // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 198–102.
8. Ожигова Е. М. Деловые переговоры: что стоит знать, чтобы итоги были положительными // Материалы XI Международной научно-практической конференции молодых ученых. Москва: Центр научной мысли. 2017. С. 50–53.
9. Петровская Л. А. Теоретические и методологические проблемы социально- психологического тренинга. Москва: Изд-во МГУ. 1982. 168 с.
10. Подчуфарова Е. В. Роль болевого поведения в формировании инвалидности у пациентов с хронической болью в спине // Российский медицинский журнал. 2010. № 3. С. 11–18.
11. Симонян Р. З. О совершенствовании подготовки врачей по медицинскому праву. Правовая грамотность как средство защиты профессиональной деятельности врача // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 5–1. С. 136–138.
12. Симонян Р. З. О юридических аспектах врачебных дел // Евразийское научное объединение. 2019. Т. 3, № 1(47). С. 160–162.
13. Сучкова Т. Е. К вопросу о квалифицирующих признаках врачебной ошибки // Медицинское право. 2014. № 6 (58). С. 41–43.
14. Хабулаева Г. Г. Феномен конфликта между пациентом и врачом // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 12 (90). С. 51–57.
15. Чирикова А. Е. Влияние статуса пациента на поведение врача // Вестник института социологии. 2013. Т. 4. № 1. С. 67–98.
16. Шелепина Т. А. Риск болевого поведения у пациентов с ювенильным хроническим артритом (обзор литературы) // Современная ревматология. 2013. Т. 7. № 1. С. 73–76.
17. Malyuga O. Varieties of exoskeletons // World Ecology Journal. 2017. № 7 (12). P. 3–10.
18. Malyuga O. The kinematic structure of the exoskeleton // Ecology Journal. 2019. № 7 (11). P. 3–10.

References

1. Berezina FM. Communicative strategies and tactics of Russian speech. *Referativnyy zhurnal 1 Omskogo gosudarstvennogo universiteta* [Abstract journal 1 of Omsk State University]. 2000;(3):42-47.(In Russ.).
2. Grigorieva VN. Chronic back pain. Psychological characteristics of patients. *Rossiyskiy zhurnal boli* [Russian journal of pain]. 2004;(3):2-11.(In Russ.).
3. Gurenko-Vaitsman MN, Sugrobova YuYu, Yurista AV. Problems of conflicts. Issues of ethics and deontology in the socio-cultural space of modern domestic healthcare. *Voprosy meditsinskoy etiki i deontologii* [Issues of medical ethics and deontology]. 2017;20(2):202-207. (In Russ.).
4. Kamalov LA. Everyday communicative theatrical techniques in a conflict situation. [Bulletin of Moscow State Linguistic University: Humanities]. 2010;(580):242–254. (In Russ.).

5. Kirillova NN. Communicative strategies and tactics from the position of moral categories. *Vestnik NGTU im RE Alekseeva. Seria: upravlenie v socialnyh sistemah. Kommunikativnye tehnologii* [Bulletin of the RE Alekseeva. Series: governance in social systems. Communication Technologies]. 2012;(1):26-33. (In Russ.).
6. Novikova S.G. A conflict patient at a medical appointment, how to solve the problems that have arisen. *Khirurgicheskaya praktika* [Surgical practice]. 2019;(1(37):48-57. (In Russ.).
7. Odintsova MA. Functional aspect of manipulation in the behavior of an individual with the «victim» attitude. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. 2011;(1):98-102. (In Russ.).
8. Petrovskaya LA. Teoreticheskiye i metodologicheskiye problemy sotsial'no-psikhologicheskogo treninga [Theoretical and methodological problems of social and psychological training]. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1982. (In Russ.).
9. Ozhigova EM. Business negotiations: what is worth knowing to ensure positive results. *Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchonykh*. Moskva: Tsentr nauchnoy mysli [Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference of Young Scientists]. Moscow: Center for Scientific Thought. 2017:50-53. (In Russ.).
10. Podchufarova EV. The role of pain behavior in the formation of disability in patients with chronic back pain. *Rossiyskiy meditsinskiy zhurnal* [Russian Medical Journal]. 2010;(3):11-18. (In Russ.).
11. Simonyan RZ. On improving the training of doctors in medical law. Legal literacy as a means of protecting the professional activities of a doctor. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research]. 2016;(5(1):136-138. (In Russ.).
12. Simonyan RZ. On the legal aspects of medical cases. *Yevraziyskoye nauchnoye ob'yedineniye* [Eurasian Scientific Association]. 2019;(3,1(47):160-162. (In Russ.).
13. Suchkova TE. On the issue of qualifying features of medical error. *Meditsinskoye pravo* [Medical law]. 2014;(6(58):41-43. (In Russ.).
14. Khabulaeva GG. Phenomenon of conflict between patient and doctor. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura* [Ethnosociety and interethnic culture]. 2015;(12(90):51-57. (In Russ.).
15. Chirikova AE. The influence of patient status on physician behavior. *Vestnik instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2013;(4,1):67-98. (In Russ.).
16. Shelepina TA. Risk of pain behavior in patients with juvenile chronic arthritis (literature review). *Sovremennaya revmatologiya*. [Modern rheumatology]. 2013;7(1):73-76. (In Russ.).
17. Malyuga O. Varieties of exoskeletons. *World Ecology Journal*. 2017;(7(12):3-10.
18. Malyuga O. The kinematic structure of the exoskeleton. *World Ecology Journal*. 2019;(7(11):3-10.

Информация об авторах

Л. Н. Семченко — кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения.

Information about the author

L. N. Semchenko — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Health and Healthcare.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024;
принята к публикации 10.11.2024.

The article was submitted 16.10.2024; accepted for
publication 10.11.2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.